

Начало Века

Альманах
2015

Начало Века

Творческие
искания
сотрудников,
преподавателей
и студентов
Харьковского
национального
медицинского
университета

Альманах

Харьков
2015

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)

ББК 74.58+84+85(4УКР)

Н 36

Редакционная коллегия: С.А. Красникова (гл.ред.), Л.В. Фомина (зам.гл. редактора),
И.В. Летик (ответ. секретарь), Н.Ф. Дмитриенко, И.В. Запорожец

Концепт-дизайн: В. Ск!п

Утверждено Ученым советом ХНМУ
(Протокол №10 от 15.10.2015)

Н 36 **Начало** века. Творческие искания сотрудников, преподавателей и студентов Харьковского национального медицинского университета : альманах / редкол.: С.А. Красникова, Л.В. Фомина, И.В. Летик і др. — Харьков : ХНМУ, 2015.— 96 с. : ил.

На страницах альманаха представлена поэзия, проза, живопись, фотографии, произведения прикладного искусства сотрудников Харьковского национального медицинского университета.

Тематика произведений разнообразна — любовь к родному краю, близким и родным, природа, воспоминания, фантастика.

Рекомендовано широкому кругу читателей.

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)
ББК 74.58+84+85(4УКР)

© Харьковский национальный медицинский университет, 2015

© «Майстерня Ск!п!в», дизайн, 2015

Начало Века

З хвилюванням та гордістю гортаю сторінки четвертого випуску університетського альманаху «Начало века». З хвилюванням перед зустріччю з новими авторами та гордістю за те, що в нашому університеті працюють такі талановиті, небайдужі, духовно багаті люди.

Особисто для мене кожна сторінка альманаху — це нове знайомство з давно знайомими людьми : я узнаю їх із зовсім інших сторін, відкриваю в них для себе зовсім інші іпостасі. Я вражений їхніми талантами та радий такому знайомству з ними.

Звичайно, медики або ті, хто має відношення до медицини, краще за інших розуміють людину, бо посвячені в усі таємниці її життєдіяльності. А даний від Бога мистецький талант і зовсім робить їх чародіями, які проникають у внутрішній світ людини та в таїни її буття. Мабуть, саме тому таке розмаїття тематики у творчості наших авторів: минуле та сьогодення нашої країни, кохання та зрада, милування красою рідної природи, філософські шукання та роздуми...

Бажаю всім приємного спілкування!

З повагою
В.М. Лісовий

Поэзия,
проза

Алла Алексеенко

Заведующая кафедрой философии,
социологии и медицинской социологии,
профессор, доктор философских наук

Як важко зберегти своє обличчя та індивідуальність у такому складному світі, в якому доводиться жити, спілкуватися, любити людей і своє діло. Бувають періоди дуже складні, пов'язані з трагічними ситуаціями у твоєму особистому житті або у житті нашої країни, що ми зараз і переживаємо. Незважаючи на всі негаразди, завжди хочеться залишатися просто людиною зі своїми позитивними і негативними рисами, помилками, від яких буває дуже гірко і за які просиш пробачення у Бога. Але життя завжди дає шанс виправити свої помилки, піднятися на одну сходинку вище у своєму вдосконаленні і сказати відкрито: «Я люблю цей світ і людей, які в ньому живуть!»

У КРАЇНО, НЕНЬКО МОЯ

Схилюсь перед тобою на коліна
І помолюся Господу за тебе.
Земля моя, кохана Україна,
Така знесилена лежиш під синім небом.
Чому твоє обличчя так змарніло,
Чому тебе вже сили покидають.
Любов моя, страждальна Україна,
За що так твою душу зневажають.
Чом не блищать твої веселі очі,
Чому пісні чарівні не лунають,
Невже тебе убили опівночі
І шлях до серця швидко закидають.
Завжди усіх ти вабила красою,
І щира посмішка світилась на обличчі.
Завжди всі милувалися тобою,
Раділи, що тобі усе так личить.
Кохана моя, земле українська,
Я вірю, що відродиш свою гідність,
Розкриєш свою силу велетенську,
І присягатимуть усі тобі на вірність.

Відведи від гріха мою душу,
Зупини мої кроки на мить,
Я сьогодні покаятись мушу,
Я сама себе буду судить.

Не за зраду, не за убивство, -
Не було це в моєму житті,

А за те, що не завжди презирством
Зустрічала своїх ворогів.

Іноді я за зраду мовчала,
Хоч душа заходилась плачем,
Не кляла я і зла не бажала, -
І за це не жалію тепер.

Для добра народилась людина,
Для великих і праведних справ.
Хай мине її лиха година,
Хай в житті все їй буде вдосталь.

І тому своїм тихим мовчанням
Захищала людей я від зла.
Я хотіла, щоб світ цей жаданий
Дарував стільки людям тепла,

Щоб затьмарить і зло, і насильство,
Зраду друзів і близьких людей.
Хай ніколи не буде презирства,
Хай не буде жорстоких очей.

Відпусти моє серце і душу,
Відпусти їх на каяття –
Я сьогодні судить себе мушу
За своє минуле життя.

Живу тому, що вірую,
Без віри немає життя,
Нам тільки віра дарує
Щасливі хвилини буття.

Без віри ніщо не здійсниться,
Без віри любов не прийде,
Загине без віри пісня
І серце водночас замре.

Чи є душа в мого народу,
А якщо є, то чом мовчить,
Мов та осика, що в негоду,
Зігнувшись, під дошем стоїть.
І мовчки сльози утирає,
Що із дошем переплелись,
І важко-важко так зітхає
Від болю і страждань в душі.
Хіба вона не заслужила
Пошани щирої від всіх...
Хіба вона когось скривдила,
А може кинула навик?
Вона нічого не робила
Поганого в житті своїм.
Чому ж її так зневажають,
Чому принижують усі?
І забувають враз про Бога,
Коли її весь час женуть,
Мов ту безбатьківську небогу,
Що прагнуть з рук своїх зіпхнуть.
А Бог все бачить... Як зітхає
Тая українська душа...
І прийде час, він покарає
Тих, хто каміннями жбурляв.

Не зазіхайте на чуже,
А бережіть свою оселю.
Цінують перш за все своє,
Цінують свою рідну землю.
Цінують матір і дітей,
Цінують молоде подружжя,
Цінують все, що вам дано,
Цінують, або буде пізно.

Не знаю я, де відповідь знайти
На всі свої болючі запитання:
Чому від зради серце так болить,
Чому так часто зраджують кохання?

Скажіть мені, коли, в які віки
Відсутні були зрада та убивства?...
Невже живуть для цього на землі,
Невже найбільш цінується презирство?

І презирають бідного небогу,
І убивають враз без каяття

Сократа, що не прагнув бути Богом,
Хоч мудрості він присвятив життя.

І зойкнув птах над полум'ям рожевим,
Коли Джордано Бруно там горів.
Душа його полинула у небо,
Бо на землі її ніхто не розумів.

Вбивають геніїв і не бояться кари,
І не бояться божого суда...
Невже людей народжують для страти,
А не для довгого, щасливого життя?

Не знаю я, де відповідь знайти
На всі свої болючі запитання,
Яку дорогу вибрати мені,
Щоб не була вона в моїм житті остання.

Заглянь у очі — дзеркало душі
І розкажи про все, що там побачиш:
Чи може полум'ям кохання там горить,
А може за минулим очі плачуть.

Ти придивись уважніше до них
І прочитай велику таємницю,
Що криється в очах отих сумних
І прагне від людей свій сум укрити.

А є такі, що радістю блищать,
До себе враз увагу привертають.
Бо очі ті, як зіроньки горять,
Про щастя всім своє розповідають.

А інші очі дивляться спідлоба
І важко в них що-небудь прочитати,
Яка в житті їм випала дорога,
Чому такими довелося стати.

Відкрийте очі світові і сонцю,
Даруйте людям радість і тепло,
Нехай вони всіх ваблять як віконце,
Що у ночі на вогник свій вело.

Волошки синіють у спілому житті,
Такі ж як і очі твої блакитні,
Я хочу полинуть до тебе, коханий,
Ти моя доля і моя пам'ять.

Хоч смерть розлучила нас передчасно,
Та зірка на небі твоя не згасла.

Я буду любити тебе як ніколи,
Ти моя радість і моє горе.

Валерія Гниденко

Студентка 3 курсу І медичного факультета

С раннього дитинства була творческою особою. Занималася малюванням і танцями. Спустя кілька років я закохалася. Це була любов з першого погляду. А закохалася я медициною. Тому вибір професії був очевидний. Стати лікарем і рятувати людей — це не просто мрія, це мета всієї моєї життя. Але всім відомо, що лікарі люди творчі, і мене це теж стосується. Я пишу вірші. Це не просто спосіб самовираження, а можливість подарити світу краплю прекрасного.

Медицина і поезія — це, мабуть, дві найкращі для мене віддушину... Дякую їм можна пізнати себе, пізнати інших людей, відчути їх почуття, переживання і емоції.

Моя душа до тебе вже не ліне,
Не ліне серце й не тобі стучить.
А моя мова, ніжна, як перлина,
Та не до тебе, не до тебе мчить...

Минають дні, минають довгі ночі,
На літо вже змінилася весна,
Та ти не став для мене найдорожчим...
Скоріше це на щастя, ніж на жаль...

Мої думки — туман для тебе неосяжний,
Який тобі в житті не обійти.
А мої очі, то камінь недосяжний,
Його нізашо не захопиш ти!

В твоїх долонях є сила,
А вчинки мають свій ритм.
Бо ти — це не просто людина,
Ти — диво божих створінь.

Коли душі твоєї важко
Й розум загубився в думках,
То ти не здавайся нізашо,
Хоч вогнище вже догоріло в очах.

Йди стрімголов, через силу,
Терпи й вихід шукай,
Доведи всьому світу,
Серйозність своїх поривань.

Наповни повітрям легені,
Й метою свій мозок забий,
Як паростки молоді та зелені,
Програє життєвий мотив.

В тобі нездоланна є воля,
Вогонь у душі палає,
Немає такого болю,
Що просто тебе вбиває.

Не зламає лиха година,
Крізь сльози лунатиме спів,
Бо ти — це не просто людина,
Ти — диво божих створінь.

Тебе зустріну знов у вісні,
Й погляд твій зігріє мою душу,
Тебе шукати я так довго мушу,
Та сподіваюсь, що зустріну на весні.

А твої очі... В них живе вогонь...
Вони мені дорожчі діамантів,
Та поки що від тебе йду сторонь,
А ти, можливо, мене вирушив шукати.

Й кожен ніч,
На мить закривши очі,
Я бачу образ твій й серце завмира,
Можливо, це лишень пустощі дівочі,
Та лише з тобою душа німа співа...

А ти в моїх думках,
У поглядах та вчинках,
Даруєш мені щастя кожну ніч,

А ти в моїх словах, без тебе дуже дивно,
В моєму сні, благаю, посміхнись.
Тебе колись зустріну
Й нікому не віддам,
А поки що ти та, солодка моя мрія,
Яку я іноді чекаю в своїх снах...
Яка мені дарує крила.

Чому з життя зникають найрідніші?
Й більше не приходять ні на мить...
Вони були для тебе дивовижні,
ти їх не просто шанував, любив.

Здавалося, що доля їх дарує,
Здавалося, що разом назавжди,
Й знав, що точно хтось тебе цінує,
Й коли боляче, було куди йти.

А раптом ні листа, ні погляду, ні слова,
Ще вчора кращий друг, а завтра вже не так...
Можливо, це лише чиясь жорстока змова,
Що рідних розлучає просто так?

Щоб не було, нехай йде за ними
Білий янгол, посланий з небес,
Й кроками, хоча б малими,
прийде в життя по порції чудес.

Нехай в житті в них будуть неймовірні,
Теплі миті, сповнені любові й добра,
Й збуваються найбажаніші мрії,
Під пісню гомінкого солов'я.
Чому з життя зникають найрідніші?

За тебе я молюся кожен день,
Твоє життя мені золота дорожче,
Ти — та людина, що мені лишень
й завжди від серця допоможе.

А твоє слово — то найкращі ліки,
Воно мене рятує від біди,

Твої обійми, то цілющі ріки,
Ти надихаєш по життю йти.

А твої очі небесної блакиті,
в них спокій і любов переплелись,
Ти — моя єдина в цілім світі,
Прошу, посмішкою хоч іноді світись.

Пробач мене за біль й за безсонні ночі,
Що не завжди буваю поруч я,
Пробач мені за всі пролиті сльози,
Прошу, яскрава зіронько моя.

Я обіцяю, що не підведу,
Я буду гарною донькою, чесне слово,
Тебе, Мамо, я більше за життя люблю,
Спасибі, мила, за пісню колискову.

Я дякую тобі за те,
що завжди ти ідеш зі мною,
Нехай Господь береже життя твоє,
А всі незгоди обходять стороною!

Что медицина значит для меня...
Семейный путь или дело чести?
Наверное, не спать часов по двести,
И от усталости ловить тяжелый кайф...

А может, медицина — это жизнь,
Взять просто посвятить себя работе,
И днем и ночью, при любой погоде,
Спасать людей и продлевать их век...

А может — это слезы, смерть и страх,
Что окружает всех врачей, как символ,
Когда война овладевает миром,
Лишь врач устойчив к видам всех атак.

А что ж еще? Да просто врачевать,
Стать на Земле наставником у Бога,
Куда меня не заведет дорога,
Себя больному нужно посвящать...

Гореть по-жизни пламенем огня,
И всем тревогам только улыбаться,
Перед болезнью не задаваться,
Ведь медицина — это часть меня.

Олия Гречанина

Заведующая кафедрой медицинской генетики, доктор медицинских наук

Родилась в городе Харькове в семье врачей. С раннего детства интересовалась психологией, философией, биологией, мистикой, эзотерикой, компьютерами. Эти интересы нашли отражение в творчестве. Область профессиональных интересов — генетика, психиатрия, психоанализ. Любит животных.

ПРОСТО ЭТО ЖИЗНЬ

Света не хотела больше оставаться в этом городе. Ни минуты. Подмахнув отпуск у шефа, она запихала вещи в дорожную сумку и помчалась на вокзал. Текущие по щекам слезы застилали глаза. Но в голове упрямо билась мысль — вперед. Все равно куда, лишь бы подальше. От города. От этой жизни. От Петра. Тут в голове где-то там на задворках измененного сознания родилась мысль — Карпаты. В каком-то заброшенном селе возле подножия Карпат жили дальние родственники матери — пожилая пара, которая ни в какую не соглашалась сменить место жительства, сколько их ни уговаривали. Название села смутно помнилось, зато помнился райцентр, от которого можно было на попутке добраться.

Как ни странно, все сложилось. И билет был на этот поезд, и поезд отправлялся очень быстро, и место в купе оказалось удобным. В общем, внешне все было пристойненько и чудненько. Вот только в груди темной волной поднималась тоска. Пользуясь тем, что в купе, кроме нее, были три тихенькие старушонки, которые вполголоса переговаривались об огороде и внуках, Света легла на свою верхнюю полку и отвернулась к стене. Заснуть не удавалось. В голове прокручивались постоянные диалоги с Петром. А вообще ситуация была до банальности обычна. Света познакомилась с Петром в баре, когда зашла туда с подружкой после тяжелого трудового дня. Он предложил угостить ее коктейлем — она согласилась. Подружка потихоньку сама отсыпалась — Света этого даже

не заметила. Ведь перед ней был пресловутый ОН, в существование которого она не верила никогда в силу собственной повышенной прагматичности. Разумеется, впоследствии жизнь внесла свои коррективы. Он, разумеется, оказался женат. Он, разумеется, ни капли не любил жену и жил с ней ради ребенка. Она, разумеется, поверила. Ну и, как водится, один раз проходя по парку, заполненному солнцем и резвящимися детьми, она увидела ЕГО. С семьей. Выглядившим до неприличия счастливым и гордым. За красивую жену рядом и здорового упитанного карапуза. Ну конечно, она прошла мимо. Ну конечно, потом он долго оправдывался, а когда ему надоело — жестко сказал: ты только любовница — понятие временное и бесправное. И вот тогда, по прошествии 4-х(!) лет, она поняла, что нужно бежать. И вот бегство. Скороспешное, без планов. С разбитым телефоном дома. В чужое, никогда не виденное ранее место.

Поезд прибыл точно по расписанию. В 8 утра. Хмурое не по-летнему утро. На заднем фоне маячили темной громадой горы. Света прошла по вокзалу. И чудо — возле самого выхода какой-то энергичный мужик возился возле поковки. Света подошла и, заикаясь, вежливо поинтересовалась маршрутом. Оказалось, именно туда он и едет. По дороге он периодически с любопытством поглядывал на Свету, но без комментариев. Спасибо ему. Сам же он рассказывал что-то отдаленное: про село, историю Карпат, ну и все в этом роде. Родственников Светы он, разумеется, знал и пообещал подвезти прямо к дому. Единственным его комментарием, обра-

шенным непосредственно к Свете, была фраза, что если бы она приехала на неделю раньше, то попала бы в сезон дождей и ни за что не смогла бы попасть в село, кроме как на вертолете, которого тут уже лет 40 не видели.

Ехали они очень долго. Хмурое утро перешло в не менее хмурый день. Даже намек на солнце не было за мрачными тяжелыми тучами. Но не было и ни ветра и ни дождя. Сухая, тихая, прохладная погода. Ненадоелливый попутчик рядом. Что еще нужно израненному сердцу... Света специально не смотрела на часы, она их украдкой сняла еще вначале пути и спрятала в сумку. Но по потемневшему еще более небу Света догадалась, что все же наступил вечер. И тут за поворотом показался густой темный лес. И возле него четыре жалко прижавшиеся друг к другу хатки. «О боже!» — вздохнула про себя Света. Однако при ближайшем рассмотрении хатки оказались крепенькими уверенными домиками, утопавшими в садах. Даже при этом давящем свете хатки производили хорошее впечатление. Вот только кроме домиков ничего больше не было — ни почты, ни магазина, ни аптеки. «Наверное, это то, что мне было нужно», — опять вздохнула Света. Лошади были только у разговорчивого дяди Миши, так что приходилось быть очень вежливой. От деднег дядя Миша отказался, сказал, что лучшей платой будет приход Светы вечером к ним в гости. На прощание дядя Миша весело подмигнул Свете и удалился. Света подошла к крайнему домику веселенького, бело-розового цвета. Открыв калитку, она негромко позвала — тетя Паша. И, как будто ее прихода ждали, дверь домика распахнулась, и вышла розовошекая женщина, который было трудно дать больше 45, хотя ей было уже за 80. При виде Светы она ахнула и широко улыбнулась — «Какой сюрприз!» И уже полуобернувшись назад: «Сеня, смотри, кто к нам приехал». На крыльцо вышел дядя Сеня. Увидев Свету, он точно также улыбнулся: «Племяшка приехала!» Света долго не думала — она точно так же улыбнулась. Объятий не было, но три радостные искренние улыбки, казалось, осветили угасающий день. «Пойдем, дорогая! — сказала тетя Паша, — ужин уже ждет». Самое интересное, что на столе было три прибора. Отвечая на незаданный вопрос, тетя Паша сказала: «Мы всегда ждем гостей. Нас так мало, что всегда лучше перестраховаться».

— Теть Паш, а как вам с дядей Сеней удастся так выглядеть?

— Воздух, Светик, воздух и отсутствие вредностей всяких.

— Теть Паш, а кто здесь еще живет?

— Во втором домике дядя Миша с тетей Олей, им по 70, в третьем дядя Леша, он совсем старый. Ему 90. Мы все ему помогаем. В четвертом тетя Лида. Ей под 80, но жить с дядей Лешей она не хочет из принципа. Всю жизнь ему доказывает, что может спокойно обойтись без него, а сама по ночам к нему бегаёт, — весело сказала тетя Паша, а дядя Миша от смеха чуть не подавился.

— Все?

— Да нет, не все, — сказала тетя Паша, нахмурившись.

— У нас тут еще уникамы есть. В самом лесу живет лесник Илья. Откуда он взялся, никто не знает. Приехал, молча жить там стал. Редко-редко пересечемся на охоте. И с другой стороны возле речки медсестра Лидка живет. Ее муж избивал по-черному, потом ей видение какое-то было, и она с райцентра сюда к нам приехала.

— Тоже не хочет жить с Ильей, — пошутила Света.

— Да нет, они вообще не общаются. Им никто, кроме них самих, не нужен.

— Ну это все? — совсем развеселилась Света. А вот тетя Паша, напротив, еще больше нахмурилась.

— Да есть еще тут одна, — неохотно протянула Паша.

— Кто? — заинтересовалась Света — дух журналистики проснулся.

— Знахарка, — недовольно бросил дядя Сеня. — Только не лечит она никого. Но и не вредит. К ней в дом как-то по пьяни дед Леша забрался, так насмотрелся этих всех трав и книжек и сбежал, как молодой. Лидка лечит. Она периодически с Мишкой ездит в райцентр за лекарствами, а так тоже травы собирает. Да мы тут и не болеем практически.

— А что Лидка с целительницей не пересекаются? — спросила Света, попивая вкуснейший травяной чай.

— Да нет же — я тебе говорю, с ней вообще никто не общается и она ни с кем. Так. Иногда в лесу увидят, мелькнет — травы собирает, на болота ходит ночами. Да ну ее. Расскажи про город лучше. Чего не замужем до сих пор?

Света помрачнела и сказала: «Про замуж давайте вообще не будем. А про город пошли лучше к дяде Мише, я ему тоже обещала рассказать».

На том и порешили. Вечером Света недолго крутилась на мягких подушках, милостивый сон сошел к ней практически сразу. Мелькнуло лицо Петра в тумане и пропало.

С утра ее разбудило неистовое солнце и вопль птиц. Света, позевывая, выглянула на улицу,

и настроение резко скакнуло вверх. Ночь была без снов, здоровый крепкий сон пробудил давно забытую, почти детскую бодрость. После завтрака она решила прогуляться. Поздоровавшись с соседями, она пошла к лесу. «Далеко не заходи», — прокричал ей вслед дядя Миша. Она, не оборачиваясь, кивнула и углубилась в лес. Минут через пятнадцать она увидела полянку возле речки. Попробовав воду, Света была приятно удивлена — теплая, как ни странно. Она, не раздумывая, скинула с себя все и плюхнулась в речку. «Молочные воды, кисельные берега!» — лениво подумалось ей. Наконец, она выползла на полянку и разлеглась, подставив лицо солнцу, слегка дремая под умиротворяющий плеск воды и жужжание насекомых. Проснувшись она от чьего-то пристального взгляда. Света рывком поднялась. Рядом с ней стояла женщина лет 40 с усталым погасшим взглядом. Она молча смотрела на Свету, потом поздоровалась и села, опустив босые ноги в воду. «Здравствуйте», — ошеломленно проговорила Света и присела рядом. После получасового молчания они все-таки разговорились. Лида — а это оказалась она — рассказала Свете свою историю про избивающего ее мужа, про два выкидыша по вине мужа и, наконец, про бесплодие — страшный диагноз, который поставили ей врачи после ее клинической смерти. «А ведь я другая была, Свет, — сказала Лида, упорно глядя на бегущую воду, — болтушка и хохотушка. А теперь... Вот...» — и она беззвучно заплакала. Света ее не успокаивала — она рассказала свою историю, и они обе грустно смотрели на беспечно текущую воду. «Заболталась я с тобой», — сказала Лида. «Заходи ко мне в гости, когда захочешь». И неслышно ушла. У Светы осталось стойкое впечатление, что плохо тут невольной затворнице, хочется ей к людям, в работу. Что душит ее тут одиночество. И пообещала себе, что поедет в райцентр и договорится по телефону с приятельницей одной частной клинике, чтоб та ее к себе взяла.

Тут захотелось поесть. Но она из дому ничего не брала. Света оглядела кусты и увидела на одном из них сочные красные ягоды. Она обрадованно подошла к ним и протянула руку. «Это нельзя есть», — раздался сзади спокойный мужской голос. Света резко обернулась — за ней стоял мужчина в защитной одежде, с окладистой бородой. «Вы Илья, наверное?» — улыбнулась она и протянула руку. Он без улыбки пожал ей руку, продолжая внимательно смотреть на нее. Света удивленно взглянула на лесника и отвернулась. «Дикие нравы», — подумала она и стала собираться. Когда она накинула кофту и повернулась, что-

бы уходить, лесник тронул ее за плечо. Она повернула голову. Он протягивал ей горсть ягод, которые по виду ничем не отличались от тех. «А вот это есть можно», — сказал он, дождался, пока она возьмет, и также неслышно исчез за деревьями. Свету уже начинали веселить эти бесшумно перемещающиеся нинзи. «Осталась одна знахарка», — подумала Света. «Ну ничего, схожу к ней попозже».

На следующей неделе Света поехала с дядей Мишей в райцентр и оттуда позвонила своей приятельнице. Та с радостью согласилась ей помочь. Света не уточняла, что Лида долгое время жила вдали от общества и немного диковата в общении. «Научится, вспомнит старое», — подумала она с удовлетворением. Поговорив с Алиной, Света набрала номер родителей, узнала, что у них все в порядке, и пообещала недели через две приехать их проведать. До работы оставалось еще 2 месяца — шеф расшедрился. Про Петра даже мыслей не было.

Когда Света вернулась, она первым делом побежала к Лиде, чтоб ее обрадовать. Света не ошиблась. Лида припустила по избе в пляс. «Спасибо, огромное спасибо! Я уже чуть руки на себя не наложила!» — эмоционально проговорила та. «Поедем вместе?» — спросила Света. «Ага, конечно. Я тут все приведу в порядок и через недели две поедем».

Когда Света шла домой, сзади опять тенью возник Илья. «А ко мне в гости заходят городские барышни?» — спросил он без улыбки. Света с интересом согласилась. Дом был недалеко от Лиды, но стоял так хорошо спрятанным среди деревьев, что можно было сто раз проходить мимо и не найти его. Возле дома встретила большая собака, которая подозрительно смахивала на волка. «Свои, Друг», — негромко сказал Илья, и собака сразу же отбежала за дом. «Хороший песик», — несмело сказала Света. Илья не ответил. Он пугал ее каким-то своим неистовым горем в пустых глазах.

При входе висела большая фотография молодой улыбающейся брюнетки с грудным ребенком на руках. Фотография была пересечена черной лентой. Света не стала задавать вопросов. Но Илья сам сказал. Чуть позже, когда они уже сели пить чай. «Пять лет назад я ехал с женой и дочерью по горной дороге, влажной от дождя. Я был трезв, но очень весел. Я пел, заигрывал с женой и веселил дочь. Мне Ира два раза сказала, чтоб я следил за дорогой, но я ее не слушал. День. Пустая трасса. Веселые песни по радио. Любимые люди рядом. Солнышко. Что еще надо для счастья. Я обернулся в сотый раз к жене и увидел ее огромные глаза. Резко повернулся и успел увидеть огромный Камаз,

который несся навстречу. Вывернуть я до конца не успел. Я зачем-то остался в живых, а Ира и Сонечка погибли. Только Сонечка не сразу. Еще несколько минут я слышал ее стоны, но сделать ничего не мог, придавленный рулем. Помощь приехала достаточно быстро, но помогать было некому. Водитель Камаза не пострадал. А себя я больше живым не считаю. Я похоронил моих девочек и больше не приезжал к ним. Зачем? Ведь здесь они живут рядом со мной, я с ними разговариваю. Вот их комната», — и Илья показал широкую светлую комнату с обоями в веселеньких зайчиках. «Там стояла детская кроватка, по углам сидели большие игрушки. Сонечке уже пять лет — скоро будем готовиться к школе», — проговорил Илья, глядя с широкой застывшей улыбкой на фотографию. И замолчал, не отрывая глаз от улыбающегося лица покойницы. Из его глаз катились слезы. Света подошла к Илье и прижалась к нему. Он замер. Она погладила его по голове. «Ты здесь, а они там, — прошептала она. — Отпусти их. Они не хотят мучиться больше». И повернула его лицо к себе. Он долго смотрел на нее, а слезы все капали у него из глаз. Света осторожно вытерла ему лицо и нежно поцеловала. Он вскочил и притянул ее к себе. Они долго смотрели в глаза друг другу и там читали без слов — и одиночество, и беды, и печали, и пустоту, которую, как оказалось, они могут заполнить друг другом.

Ночь прошла без сна. Неистовая нежность на грани душевной боли, когда происходило очищение от всего плохого, что было и с робкой надеждой на будущее. Заснули они под утро, крепко прижавшись друг к другу. Даже во сне боясь оторваться друг от друга.

Прошло две недели, и Света поехала в райцентр, чтоб позвонить своей приятельнице и узнать, когда приезжать. Илья хотел съездить с ней, но она его отговорила, потому что не хотела, чтоб словоохотливый дядя Миша лез не в свое дело. Лиду она оставила собирать вещи. Позвонив приятельнице и узнав все, что надо, Света набрала номер родителей. Он не отвечал, тогда она набрала номер соседей. Тетя Маша закричала в трубку: «Твоему отцу очень плохо, он в реанимации, приезжай срочно!» Света не раздумывая побежала к кассам.

И только в поезде вспомнила, что забыла сказать дяде Мише, чтоб он передал Лиде и Илье, да и вообще попрощаться. Сердце рвалось на части, но образ отца был перед глазами, и она, вздохнув, переборола желание остановить поезд.

Отец поправлялся медленно. Ему понадобилась большой реабилитационный курс. Све-

та разрывалась между матерью и им, бегала по врачам и аптекам. И только ночью во снах приходил образ Ильи и вспоминалась грустная Лида. Прошел месяц, второй. Света вышла на работу, времени не оставалось ни на что. Но почему-то очень болело сердце. Она думала: «Милый, любимый, пойми, что у меня все в порядке, и я вернусь». Но успокоение не наступало. Наступила зима. Здоровье отца нормализовалось настолько, что можно было спокойно оставить его. Мать тоже успокоилась. На работе перед Новым годом дали неделю отпуска, и Света купила билет. Кроме этого, она накупила массу подарков всем, договорилась с приятельницей, что Лида приедет с ней после Нового года, и села в поезд. На сердце было беспокойно и тяжело. Она вспомнила, с каким настроением она ехала в это село первый раз и поразились сходству состояния, хотя теперь ее ждали — любимый человек и подруга.

И вот знакомый вокзал. Но почему так щемит и болит сердце! Ответа не было. Света завертела головой, отыскивая дядю Мишу, — его не было. Ну конечно. Сверху тихо сыпалась снежная крупа. После получаса поисков Света нашла таки мужика с телегой, ехавшего в соседнее село и пообещавшего подбросить ее до поворота. Мужик был абсолютно пьян и лыка не вязал, но деньги взял с удовольствием и лошадью управлял живенько. Света уткнулась носом в теплый шарф и задремала. Проснулась она от бесцеремонного толчка в спину: «Приехали, тетка!» Света даже не разозлилась, она покорно вышла на дорогу, подстегиваемая поднявшимся ветром. От поворота до села было небольшое расстояние, но пока она добрела до домов, сбиваемая с ног ледяным ветром, уже стемнело. Она постучалась в окно и еще минут двадцать ждала, пока ей откроют. Тетя Паша открыла ей дверь и ахнула. Она почти силой заволокла замерзшую девушку в дом, долго растирала ее всякими мазями и отпаивала чаем. Когда Света пришла в себя утром, она обратила внимание на одну странную деталь — и тетя Паша и дядя Сеня были, безусловно, рады ее видеть, но что-то мелькало в их глазах: то ли осуждение, то ли затаенная боль, то ли испуг. Сразу было не понять. Но в конце концов молчание затянулось, и Света робко спросила тетю Пашу — не приходил ли к ним в гости Илья, не спрашивал ли о ней, и как там Лида. Тетя Паша осуждающе глянула на нее и вдруг безутешно разрыдалась. Света испуганно стала тормошить ее: «Скажите, что с ним! Не молчите!!!» Тетя Паша только рыдала и убежала к себе в комнату. Света подошла к дяде Сене и взглянула на него. Он не выдержал ее взгляда и отвернулся. «Скажите

мне, что с ним!» — прошептала Света. Дядя Семен кивнул и сказал: «Одевайся. Встретимся на улице». На улице он буквально бежал, Света еле поспевала за ним. Вот последний дом, поворот, лес. Но почему он не идет дальше! Что за два белых холмика на поляне!! Что ЭТО!!! «Вот», — угрюмо сказал Семен. «Любуйся. В этом виновата ты. Лучше бы ты вообще к нам не приезжала», — и он, отвернувшись, побрел прочь, ссутулившись и постарев сразу на десяток лет. Света упала на колени и заголосила по звериному.

Она не помнила, как добралась домой. Прямо в шубе она свалилась на диван и молча устала в одну точку. К ней подошла тетя Паша и молча села рядом. Не утешая. Так прошел не один час. Наконец тетя Паша вздохнула и рассказала. «Вечером того дня, когда ты уехала, Илья пришел к нам ввосьмем с Лидой, абсолютно пьяный. Они просидели весь вечер. Мы их утешали, говорили, что, наверное, у тебя что-то случилось срочное, и ты скоро вернешься. Они посидели, покивали и ушли. Потом ходили целую неделю, потом ходила одна Лида. Она сидела и рассказывала, что Илья лежит у себя в доме, не встает и никуда не выходит. А потом пропала его собака. А потом неделю никто не приходил, и муж пошел навестить его. Приходит к нему, а он уже холодный. Застрелился. И записка лежит: «Мне нет смысла жить. Пусть будет счастлива моя любимая». Муж к Лидке — а она тоже уже мертвая. Отравилась. И никакой записки. Так и похоронили их рядом — первая смерть в селе». Света вскочила и помчалась, не разбирая дороги. Вскоре она добежала к дому любимого. Пустой, холодный, ставни заколочены. Она забежала внутрь. Тихо, холодно, темно. И ее фотография на столе в рамочке. Света потеряла сознание. Очнулась она, когда вечерело. В окна стучала буря. Возвращаться домой не имело смысла — или заблудилась бы или занесло. Негнушимися пальцами она разожгла печку. Потом села возле нее и начала разговаривать с Ильей, крутя в руке его небрежно брошенную на стул рубашку. «Ты соскучился по мне хоть немного, любимый? Потому что я соскучилась сил нет. Мне так пришлось быстро уехать, но ты ж понял, правда, что не к другому я помчалась, а к родителям. Папа болен. Надо было помочь. Ты ж меня дождался, правда?» Вот так, раскачиваясь, Света незаметно заснула. Всю ночь ей снилось, что она в объятиях любимого. Утром с пробуждением навалилась боль потери. В комнате было холодно — печь успела остыть. Света оделась и бесцельно побрела по лесу. Ноги сами ее вынесли к реке. Света стала на берегу, бездумно

вглядывалась в заснеженную ледяную даль. Рядом с берегом, очень близко, была большая полынья. Мелькнула мысль разом все покончить. Только воспоминание о родителях остановило ее. И тут невдалеке мелькнула темная тень. Женский силуэт с ведром. Недалеко от Светы женщина набирала воду из ручья рядом с речкой. Сначала мелькнула мысль — Лида! Потом, взглядевшись, Света увидела чужую женщину в теплой шубе с холодным взглядом. Ноги сами понесли к ней. «Подождите!» — закричала Света. Женщина обернулась. Путаясь в шубе и скользя по льду, Света подбежала к ней. Женщина молча спокойно ждала ее, поставив ведро на снег. Отдышавшись, Света взглянула ей в глаза и сразу отвела взгляд. Спокойные холодные серые глаза, но через секунду уже охватывала нервная дрожь. Знахарка молчала.

Наконец, Света справилась с дрожью и сказала: «Что мне делать?» Она собиралась много рассказывать, плакать, падать на колени, умолять. А спросила просто эти три слова. Знахарка внимательно взглянула на нее, как в душу взгляделась, потом сказала: «Иди за мной» и пошла не оборачиваясь. Света поспешила за ней. Вскоре они вошли в большой уютный дом. Не было сушеных мышей по углам. Горел огонь в печи. Сухие травы были, но скромно, в пучках и немного. Вытертый некогда красивый ковер на полу. Два кресла. На одно из них знахарка небрежно указала рукой, и Света, вся дрожа, упала туда. Нервная дрожь поднималась снизу и затапливала все тело. Мысли прыгали, но в сердце упорно стучалось имя любимого. Знахарка принесла чаю себе и Свете, помешала дрова и села в другое кресло. Потом заговорила, полуобернувшись: «Я помогу тебе. Уже долгое время у меня не было желания помогать никому, я давно устала от людей и живу здесь. Но твоя ситуация неправильная. Пострадало слишком много живых существ. Слишком. Поэтому я дам тебе один шанс. Я верну их ввосьмем. Но учти. Теперь они и их судьба плотно будут связаны с тобой. Если хоть одному из них станет плохо и он задумается о смерти, они все вспомнят и уйдут. На этот раз навсегда. Готовы ли ты принять на себя ответственность за судьбы двух людей. Подумай хорошо. Это огромная ответственность. Если они уйдут второй раз, ты будешь отвечать перед Высшими силами не только за себя, но и за все их поступки и груз их смерти будет висеть на тебе всегда. Подумай очень хорошо. Очень».

Света встала и подошла к окну, прижавшись лбом к стеклу. Кто она, собственно. Обычная среднестатистическая барышня, в меру неудачливая, в меру не обеспеченная. Школа, инсти-

тут, студенческие вечеринки. Церковь редко. Бурные страсти молодости, грозящие перейти в одинокую старость. Умеренно спокойные отношения в коллективе и с родителями. Ничего особенного за 30 лет жизни. А тут такое решение. Сердце рвалось на части. Острая. Почти физическая боль. Но решение было принято. Она обернулась к знахарке и сказала: «Хорошо, я согласна». Знахарка улыбнулась краем губ и проронила: «Иди к нему, он ждет». Света опрометью выбежала из дома. Слезы градом катились по щекам, пока она бежала к его дому. Возле двери она остановилась как вкопанная. Дым из трубы. К ногам ластится собака. Дверь открылась, и на крыльцо вышел Илья. Он подошел к ней и крепко обнял ее. «Чего ты плачешь, родная?» — удивленно спросил он. «Пойдем, попьем чаю, сейчас Лида пирожки принесет. Надо подкрепиться перед дорогой. Ведь мы завтра уезжаем. Спасибо, что Лидку пристроила, а я себе тоже потихоньку от тебя работу нашел. Не могу же я зарабатывать меньше жены». И Илья улыбнулся. Потом посмотрел на девушку тревожно. «А что с тобой? Ты какая-то напряженная. Успокойся, родная. Я с тобой, все будет хорошо». «Да-да. Любимый, все нормально», — сказала Света. «Просто беспокоюсь за тебя». И пошла с ним в дом ожидать Лиду с пирожками на дорогу...

Вирус

Эрик Венсан был в шоке. Его номер с засекреченной симкой прослушивался! Информация, не предназначенная для чужих ушей, переданная со всякими защитными ухищрениями, оказалась известной тем, от кого так тщательно пряталась. И он знал, откуда росли ноги. У Ива Торна, главы конкурирующей компании новых информационных технологий, были хорошие хакеры. Иной раз даже получше, чем у него, Эрика. Хотя целый специальный отдел занимался отбором лучших хакеров. В их поиске не гнушались ничем — поисковики сидели в компьютерных клубах, выискивая в сопливых мальчишках намеки на будущее мастерство, торчали на всех форумах, ожидая талантливых новичков, способных принести пользу холдингу. По сути дела, силы обеих компаний были примерно равны, но периодически то одна, то другая выбивалась вперед за счет новонайденных талантов или за счет кормившихся при них сотрудников соответствующих отделов пенитенциарной системы, которая по услужливым наводкам сажала то одного, то другого

зарвавшегося компьютерного гения. Разумеется, он тут же выкупался, но некоторое время тихо сидел в тени, тратя полученный капитал, оставаясь как бы играющим тренером-консультантом. Но вот вновь Торн вырвался вперед. И новейшая информация, полученная спец-ами Венсана, ушла к нему и была немедленно обнародована на сайте компании. Эрик задумчиво потер подбородок. Но думы его длились недолго. Он рыкнул в селектор: «Ирен ко мне! Немедля!» Через 5 минут

дверь неслышно открылась и кошачьей походкой вплыла барышня с внешностью тупой куклы, но с интеллектом шахматного гения. Как всегда, она без спросу развалилась на диване и, глядя медовыми кукольными, абсолютно тупыми глазами, промурлыкала: «Что на этот раз?» Ирен была уникальным созданием, Юлием Цезарем в юбке, совмещавшей в себе должность штатного психоаналитика, секретаря-референта и просто незаменимого помощника. Именно она знала наизусть все законы и, соответственно, методы обхода их, она вела пресс-конференции, ей достаточно было одного взгляда на претендента, чтобы определить, будет ли из него толк и не стукач ли он. Последний хакер — это была ее находка. Прогуливаясь по парку с собакой, она углядела молодого полубомжа с ноутом, который рассеянно менял что-то в прогах, когда она не поленилась заглянуть ему через плечо. И все это с полужакрытыми глазами, попивая дешевое пойло. Она неизвестно какими уговорами приволокла это дикое создание в кампанию. Когда оно проходило мимо, дамы отворачивались и зажимали нос от перегара. Сам Эрик был крайне удивлен, но многолетняя привычка доверять Ирен не подвела. Ныне Джон Смит — глава IT отдела, которому прощают буквально все: и небритость, и перегар, и потрепанную одежду, и фотку порнодивы на рабочем столе, потому что он настоящий гений, к тому же теперь преданный компании не только за деньги, но и по убеждениям.

Итак, Ирен была незаменимой. И сейчас лениво смотрела на босса, но он знал этот взгляд и сам побаивался его, зная, что за ним последует мгновенный анализ. Иногда босс в шутку звал Ирен компом последнего поколения, и ей это было приятно. «Ирен, ты должна пойти на пресс-конференцию Торна. Сегодня в 16.00. У них наша последняя информация. Разведай там все!» «Ок», — кивнула Ирен и вышла. Эрик вздохнул и достал свою любимую симку из телефона — плод кропотливого труда целого отдела безопасности и швырнул ее в корзину, прошептав сдавленно: «Сука!»

Зал пресс-конференций фирмы «Торн инкорпорейтид» был забит до предела. В атмосфере пахло скандалом. Газетчики были напряжены, как гончие, загнавшие зверя. Все ждали прихода Торна и иже с ним. Ирен почувствовала, что напряженность начинает незаметно просачиваться и через ее защитную ментальную броню и поехала. Она резко встала и вышла в коридор. Там она подошла к окну глотнуть свежего воздуха. «О, какие люди!» — раздался развязный скрипучий голос Торна сзади. Она резко обернулась. К ней незаметно приблизился Торн со своей всегдашней улыбочкой и вертлявой гомосексуальной походкой. «Стопроцентный гомик», — подумала она с отвращением. И это была ее последняя связная мысль, потому что из полутьмы коридора выдвинулся незаметно узкоглазый парень с жестким взглядом ледяных черных глаз. Он неслышным движением провел Ирен рукой по шее, и она даже ничего не успела сообразить, как все поплыло перед глазами, руки и ноги стали ватными. Но она не упала, ее подхватили железные руки узкоглазого и усадили на подоконник, заботливо поддерживая сзади. «Ты чересчур активная девочка, и папа Эрик будет очень расстроен твоей смертью. Ну а напоследок перед твоим трагическим самоубийством я покажу тебе кое-что», — и Ив подsunул ей под нос вырезку из газеты. «Читай вслух», — любезно приказал он, и узкоглазый нажал на какую-то точку на шее. Зрение сфокусировалось на статье, и непослушными губами Ирен прочла: «Участились случаи появления зомбированных людей, мир в панике, похоже на работу целого легиона спецов по вуду». Ив резко отдернул заметку и засмеялся. «Вуду! Вот идиоты. Где они столько шаманов найдут.» Потом, отсмеявшись, подsunул под руку Ирен листок: «Пиши. Простите, не могу жить с грузом осознания того, что я лесбиянка. Прощайте». И снова засмеялся, глядя, как рука Ирен безвольно пишет диктуемое. «Ты всегда ненавидела геев и лесби, так теперь мы посмеемся над тобой, как ты будешь сдыхать с таким прощальным письмом. Прощай, детка. Ты неплохая кобылка, но для меня ты полезней мертвая.» И Ив открыл окно пошире. Ирен, как кукла, встала на подоконник. Мыслей не было. Она покачнулась и беззвучно рухнула в пустоту. Перед глазами почему-то проплыла белая косынка, и все исчезло. Она умерла еще до того, как тело коснулось земли.

С истерическими всхлипами Ив Торн давал интервью о том, что Ирен Буше, известный пиар-технолог «Венсан-инкорпорейтинг», вдруг на его глазах шагнула с окна. И он даже не успел ее удержать, таким быстрым было это движение.

Газетчики кивали, диктофоны раскалялись, информации теперь было вдоволь. Злосчастную записку затерли до дыр до появления полиции, вызванной заботливым Торном. После пресс-конференции Торн зашел в свой кабинет и, радостно ухмыляясь, набрал телефон Венсана. «Привет, брат», — голосом гарлемского негра заговорил Торн, кривляясь в зеркале. «Скорблю о твоей потере. Она была сладкой девочкой, не так ли? Хотя говорят, что ты предпочитаешь собачек. Я так полагаю, инетных». И Ив опять засмеялся. В трубке было молчание, потом сдвоенный голос Эрика произнес: «Поквитаемся. Это еще не конец!» И отключился. Ив подошел к зеркалу, самодовольно усмехнулся своему отражению и скептически произнес: «Ну-ну». Затем стал серьезен и окликнул: «Хо!» Из ниоткуда материализовался узкоглазый. «Хо, ускорь все! Я хочу через два месяца, к Новому Году, иметь армию рабов. И в отличие от киношных злодеев меня никто не остановит. Да, малыш?» И потрепал Хо по голове. Тот с непроницаемым лицом поклонился и исчез. Холодок пробежал по спине Торна, как всегда при общении с Хо. Он спас его сына, когда проезжал через дикую вьетнамскую глубинку. Он увидел, что ребенок стал тонуть, и вытащил его на берег. Спас только из прихоти, не зная насколько правильный поступок он совершил. Спас, да и поехал себе вперед. А вечером в гостинице Пхеньяна к нему пришел этот вьетнамец, игнорируя охрану, появился буквально из воздуха. Торн не мог даже крикнуть от ужаса, когда в одно мгновение рядом с ним материализовался этот угрюмый вьетнамец и открыл принесенный с собой ноут. Пальцы запорхали по клавиатуре, а потом Хо сказал: «Позови кого-нибудь с рецепшена». Торн, как под гипнозом, позвонил вниз и попросил подняться молодого симпатичного парнишку-клерка. Тот зашел, и Торн поразился — на него смотрел человек с абсолютно пустым взглядом. «Прикажи ему, что хочешь», — шепнул сзади Хо. «Разденься», — приказал потрясенный Торн. Парень молча разделся. «Он теперь твой», — продолжил Хо. А потом он рассказал Торну, что эта штука может быть сильнейшим оружием, но он, Хо, дарит его Торну. Как понял Торн, это что-то типа мгновенного гипноза, который можно использовать дистанционно, контактно, а также, что наиболее ценно, в виде компьютерного вируса, который не увидит и, соответственно, не обезвредит ни один антивирус. И миллионы пользователей Интернета могут стать послушными рабами. Да, идея мирового господства набила оскомину давно, но Всемирная сеть помогла и в этот раз, ускоряя процесс. С тех пор Хо всегда был рядом

с Торном и его идея работала, количество зомбированных росло, степень зомбированности теперь можно было дозировать. Даже мощный военный поисковый потенциал терялся в догадках и не мог определить источник угрозы. А миллионы пользователей получали приказы и застыли в ожидании следующих.

После гибели Ирен прошел месяц. Акции «Венсан-инкорпорейтид» падали с каждым днем. Началось массовое бегство и повальные увольнения с рабочих мест. И, наконец, компания обанкротилась. Торн прислал юристов, и за один день компания стала его. Венсан сидел в своем загородном доме и бессмысленно смотрел на пистолет, тускло поблескивающий перед ним. Другого выхода не было. Денег для выкупа из-под стражи у него не было, за ним вот-вот должны были прийти, а до суда он просто не дожил бы. Жестокие законы каменных джунглей. В душе было пусто. Мыслей не было. Не было эмоций и желаний. Жена с дочкой были за границей, в надежном месте. Вчера они уже попрощались. Жена все понимала всегда, поняла и на этот раз. Ну а дочке давно не было ни до кого дела, сказывался переходный возраст. Эрик взял в руки прохладную сталь. Вдруг распахнулась дверь и зашел Джон Смит со своей вечной отрешенностью пацифиста во взгляде. Эрик привычно приготовился к волне перегара, но ее не было. Джон был выбрит, трезв, мрачен и одет даже во что-то приличное. Эрик автоматически спросил: «Неужели ты решил потратить деньги на себя наконец? Или ты выпустил марку одежды и запахов «Джон Смит»?» Но Джон на расхожую шутку не отозвался. Он сказал: «Один день, шеф, всего один день, и он будет ваш. Я плачу долги», — и, повернувшись, вышел. Эрик отложил пистолет. Пахло дешевым киношным трюком, но захотелось досмотреть фильм до конца. Он позвонил своему юристу, и тот сумел отложить судебный процесс на день. «Запасусь колой и попкорном», — подумал Эрик, забираясь в кресло. Надежды не было, но лучик робкой веры все же где-то брезжил.

Джон не отходил от компа целый день, сроднившись с ним. Тонны информации кропотливо просеивались ими вдвоем. И вот к трем часам ночи Джон смог поймать след вируса и,

как за нитку, размотал клубок, а поймав тело вируса, он смог разложить его на составные, и к утру приготовил Иву небольшой сувенир. Утром, зевая, Ив подошел к своему компу и удовлетворился видом идеально работающих проги Куллайф, так шутливо прозвал ее Ив. Судя по карте мира, не осталось уже местечек с Интернетом, куда бы не проник вирус. Ив был доволен. «Хо, — позвал он, — давай выпьем кофе.» Они присели возле компа, прихлебывая напиток. «Вам пиццу принесли, сэр!» — сказал охранник. «Ну пусть зайдет», — благодушно приказал демократически настроенный Ив. Зашел парень в фирменной одежде Пиццахауз. Парень глупо улыбался и держал на вытянутой руке несколько упаковок пиццы. «Ставь на стол и уходи», — приказал Ив, давая деньги Хо. Хо взял деньги, намереваясь расплатиться, но застыл. Быстрым движением парень выхватил пистолет и мгновенно выстрелил в Хо. Эффект неожиданности сработал даже с шаманом. Хо повалился на стол, но сознания не потерял. Пистолет был с парализующими пулями. На Ива парень патроны не тратил, тот и так был в шоке. Змеиным движением парень скользнул к Иву и привязал его к стулу. Затем подошел к компу, вставил флешку и нажал пару клавиш. Экран замигал, и перед глазами Ива и Хо горящие точки на карте стали гаснуть. Потом программа прекратила свое существование. И под занавес потух экран. Парень повернулся к Иву и Хо, удовлетворенно улыбнулся и, вынув из кармана охотничий нож, на котором сверкала надпись «Поздравляю дорогого Джона с новой должностью. Целую, Ирен», хладнокровно перерезал обоим шеи, головы затем упаковал в пакеты из-под пиццы. Миллионы зараженных застыли в ожидании приказа, который некому было отдавать..

Эрик Венсан попал в психиатрическую реабилитационную клинику после того, как увидел две отрубленные головы у себя на столе. Джон Смит уехал на Сейшелы. Полиция так и не нашла убийц Ива Торна и его помощника. На могиле Ирен всегда свежие цветы. Компания «Торн инкорпорейтид» распалась, хакеры разбежались по своим норкам. А миллионы пользователей все так же входят в Интернет, чего-то подспудно ожидая. Только вот чего...

Наталья Гужва

Врач-интерн ХМАПО, выпускница
II медицинского факультета

В 2014 году стала стипендиантом стипендии Кабинета министров и «Молодой женщиной года -2014» в номинации «Научная деятельность». Сейчас ее цель — быть самым внимательным и чутким врачом.

Увлекается поэзией, пишет стихи.

Чому так важко мені було
Зустрітися із ним?
Чому душа так мріяла, хотіла,
Коли побачила — зомліла?

Я так цього хотіла!
Страждання живилось в мені ...
Ось він — причина болю,
Помилка, дурні.

А разом з тим
Святого почуття — любові.
Як далі бути мені — скажи,
Чекати долі, як на війні?

Сьогодні, завтра і завжди,
То ти прийди,
Я хочу, хочу бачити тебе,
Я хочу знов відчути.

Як болісно мені,
Що так вчинила, не поправиш ...

Та я б хотіла
Змінити все: і долю, й стіни,
Я б хотіла -
Та вже запізно.

Я не зможу, не вистачить у мене сил.
І не моральних, а фізичних.
Я все спочатку не почну,
Я спробую і далі не піду.

Чекати ще раз миті у коханні ...
Надуманим, примареним у сні.
Я вірю, він відчує тіє ж саме,
Але не здогадається, що я вже не живу.

Загублене життя
Заради вічного кохання,
Чи варте воно було тоді,
Коли змагалася,
Коли не бачила життя?
Тепер усе одно, що в річку,
Що в колодязь, з головою в небуття.
Навіщо віра ще жива, навіщо сяє?
Адже тепер я точно знаю:
Не варте все було, все марно.
Та навіть і заради вічного життя
Заради вічної любові
Повернення назад немає,
Хоч я його іще кохаю.

Літератор (поет, публіцист) — гість
нашого альманаху

Освіту здобув на історичному факультеті Харківського державного університету. Протягом кількох десятиліть друкується у вітчизняній та зарубіжній періодиці. Помітне місце у публіцистичному доробку Петра Джерелянського посідають матеріали, присвячені проблемам сучасної медицини.

А у своїх віршах він звертається не до самих лише знавців та цінителів поетичного слова, а ставить собі за мету бути зрозумілим кожному читачеві. Вірші патріотичного спрямування, глибокі розмисли про одвічні християнські цінності, про кохання й довершену красу природи органічно співіснують, бо є віддзеркаленням непростого, але гармонійного внутрішнього світу ліричного героя, народженого уявою митця.

Захоплюється парашутним спортом — має на своєму рахунку майже п'ятсот різних за своєю складністю стрибків, входить до Національної федерації парашутного спорту України.

Петро Джерелянський

Ні, не простим буденним словом —
Карбованим рядочком вірша
Волю думку передати,
Котрій в душі моїй затісно.
Немов легіонер суворий,
Верлібр прийде на допомогу,
Або як подружку покличу
Красуню-риму на гостини...
І нічогісінько не втратить
Та думка на шляху від серця
До серця братнього — й брехнею
Вже не обернеться. Підкаже
Мені натхнення — як звичайні
Слова ураз перетворити
На віршів сяюче намисто!

Серпень

Далека зірка мерехтить
(Мабуть, їй мариться вже ранок),
А над деревами горить
Молодика ясний серпанок...

Не варто думати про те,
Що серп віддавна смерть віщує,
Бо щедро збіжжя золоте
Він із жінцями нам дарує.

Не хочу відати про те,
Що серпень осінь пророкує,
Благаю сонце я святе:
— Тепла хай людям не бракує!

Ніколи не повірю в те,
Що полум'я кохання згасне:
Чуття — незнане і просте,
Ти — загадкова і прекрасна...

Все починається з любові!

Все в світі має свій початок,
Невідворотним є й кінець.
Безмежні в просторі і часі
Кохання, Всесвіт і Творець.

Все починається з Різдва,
Все починається з любові,
А найвеличніші дива,
Йдуть від Ісусової крові.

Чарівна зірка Віфлеємська
Пророкувала й Воскресіння —
Здодало морок той вселенський
Пасхальне світло, не осінне...

Так і священна кров героїв,
Що полягли за рідний край,

Яке б там ворог зло не коїв,
Окропить вольності розмай!

Мій скарб

Я сам творець своєї долі...
Мені — яскравих вражень скарб,
Що все життя збирав поволі,
Неначе розмаїття фарб —
Художнику, актору — ролі...

Без цього вірш мій потьмяніє,
А думка, що не перелита
В художній образ й не рясніє
Прикметами зими чи літа,
Вже не живе, а животіє...

І коли прийде час ладнати
Старенький човник в довгу путь,
Згадаю, як казала мати:
— Своє коріння не забудь,
Того, що втратив, не зібрати...

Я — українець!
...Все згадує себе в свою найкращу пору.
Ліна Костенко

А де знайти того, хто нам підкаже,
Коли була найкраща та пора?..
Самі ж про себе, друже мій чи враже,
Не відають старі та дітвора.

Насправді — небагато є такого,
Що варто зберегти в своїй душі,
Хоч досить часом дотику легкого,
Який би спомин твій розворушив...

Найкращі миті у скарбниці серця
Надійно зберігаю від чужих.
Одна із них — ті очі, мов озерця,
В яких кохання промінець застиг...

А інша мить (подібної немає,
Про неї згадую із Богом наодинці) —
Вона в скарбниці діамантом сяє...
Уперше проказав: «Я — українець!»

Почує Господь!

Волів донедавна, щоб мене почули
Людей якнайбільше по різних світах,
Щоб радість і біль мій, як власні, відчули,
Немов увійшли під один спільний дах...

Спливали роки, засинали бажання,
І зрештою я зрозумів — Боже мій!
Ти й пошепки мовлене мною волення
Почуєш і захист даси мені Свій.

Не дбайте і ви, щоб усі про вас знали,
Бо ваші думки прочитав вже Господь...
Як думка і чин одностайними стали,
То шлях свій здолаєте без перешкод!..

Самотній прибульцю із вірою в Бога,
Зі справою квапся — лети, а не йди!
Бо час невблаганний — вже кличе дорога:
Прибув ти на мить, а підеш назавжди...

Вогонь міцну гартує крицю,
Або ж випалює на попіл,
Душа — злітає, немов сокіл,
Або всихає, як криниця.

А із кривавого двобою
Велика нація постане,
І вже не бидлом, а панами
Ми, брате, будемо з тобою!

Той пануватиме довіку,
Бодай, над долею своєю,
Хто стане і поза борнею
Людиною та чоловіком...

Наші гасла

Ми гідно проживем з тобою
Відведену нам низку літ...
Молимося, щоби з бідою
Не перетнувся наш політ.

Одвічне — Бог і Україна,
Земля, де хвилями жита...
Нагадуємо доньці й сину
Ми гаслом цим про сенс життя.

Хай недруг пророкує часом
Загибель нації й країні...
Натомість знов лунає гасло
Від серця — Слава Україні!

Могутнім громом загуркоче,
Мов грізного вулкана лава:
Хто волі над усе захоче,
Враз вигукнуть — Героям слава!

**Специалист II категории Учебно-научного
института последипломного образования**

Родилась в 1958 г. в Полтавской области в семье военнослужащих.

Окончила среднюю школу в г. Владимир-Волынский. Затем — Харьковский политехнический институт.

Стихи приходят ниоткуда
В минуты слабости моей,
И словно происходит чудо —
Я снова становлюсь сильней.

Ирина Домнина

*О*СЕНЬ

Ах, Осень, нет тебя милей...
В прозрачной свежести полей
Я пью твой воздух родниковый.
Одетый в золотое лес
Скрывает тысячи чудес,
Прозрачной тихой ночью синей
Висит луна на небе дыней
И, словно листьев хоровод,
Мерцает звездный небосвод.

Ах, Осень, нет тебя милей
В убранстве из серебряных дождей
Хрустальный звон накидки паутиной.
Копна прохладных золотых волос
Над тонким станом плачущих берез
И тихий звон прощальный птичьих клинов.
И снится кленам холод января,
И в белом инее морозная заря,
И звонкий лед в хрустальных синих лужах,
И над землей легко снежинки кружат...

Рядом с Вами нет мне места,
Нет, хотя Вы говорите,
Что душа полна любовью,
Что любовью Вы горите.

Верю в искренность, но знаю —
Ваше сердце — это камень
Раскалилось и пылает
От огня, не понимая,
Что стерпеть такую муку
Может сердце лишь живое,
Что утешить могут руки —

Камню не подвластны муки...
Он расколется надвое,
Пусть не сразу, но остынет,
И любовь его покинет.

Жаль, но с Вами нет мне места,
Я на свадьбе не невеста.
Я на свадьбе только гостя,
Боль свою зажала в горсти...
Я и Вам Любви желаю,
Сердце пусть как лед растает
И поет и терпит боль...
Жаль, что только не со мной...

Зачем казнишь меня так больно,
Неистово и даже зло?
Меня обидеть и невольно
Случайным взглядом так легко.

Я кожей чувствую волненье
И дрожь звенящей тетивы
И вижу сталь смотрящей в сердце
Мне предназначенной стрелы.

Я знаю миг, когда сорвется
И полетит ко мне она...
И я готова уклониться,
Но чаша выпита до дна.

И нет той силы, что заставит
Шепнуть последнее люблю...
И сердцем трепетным и жарким
Металл расплавленный ловлю.

Андрей Заздравнов

Доктор медицинских наук, профессор
кафедры общей практики — семейной
медицины и внутренних болезней

Жанр фантастики предполагает особое представление необычных, таинственных, нереальных событий, их анализ или приспособление к сфере традиционного мирозерцания. Когда пытаешься в творчестве воспроизвести фантастические образы, то волей-неволей совмещаешь субъективные ощущения с целесообразностью действительности. В подобном синтезе рождаются метафизические вымыслы и ее величество Иррациональность, создается особый мир гротеска. В этом мире размыты границы между реальным и фантастическим, его нельзя принять буквально, но можно почувствовать. И всегда в этом мире присутствует тема Добра и Зла, и зыбкая граница между ними...

МО ТУ СТОРОНУ СКАЗКИ...

Небольшую повозку серого цвета, тающую в сумерках итальянского городка, они оставили у ворот дровяного склада. Молча прошли вдоль поленницы растрескавшегося дерева, ни на что более не годного, кроме как на топливо. Шли друг за другом, наверное даже в ногу. Наверное, потому что полы плащей скрывали ноги путников. Треугольные капюшоны были глубоко надвинуты на лица. Если бы были наблюдатели, то им могло бы показаться, что путники чего-то опасаются. Но пилигримы не боялись ничего... Цепной пес с глухим рычанием кинулся было на путников, и шедший первым сдвинул капюшон и взглянул на собаку. По-доброму взглянул... И пес замешкался, будто размышляя, в кого вцепиться, но ... рычание как-то сразу оборвалось, животное заскулило, закружилось, завертелось, и поджав хвост ушло в сторону.

— Пришли, граф! — первый путник, слегка поклонившись, отошел в сторону.

Граф Урф отбросил капюшон и с нескрываемым презрением обзрел с десятков чурбаков, сложенных в стороне от основной поленницы. В причудливых изгибах, сучках и наплывах угадывались диковинные звери, птицы и вовсе уж фантастические существа. Носком изящного кавалерийского сапога граф поддел сучковатое полено, видом своим напомиравшим то ли ошестинившуюся орудийными стволами Пизанскую башню, то ли злобного лешего из Вольтинских болот.

— Вот с этим и будем работать ... — молвил Урф, маг первой категории, и, по желанию своему, имперский граф. Из складок плаща он достал табакерку. Его спутник расслабленно замер в почтительном ожидании.

Маг высыпал шепот порошка на выбранное полено. Далее любой волшебник проделал бы определенные пассы руками и произнес бы тайные заклинания. Любой, но не Урф. Он высыпал порошок и просто пожелал, и этого было достаточно.

Игра для графа Урфа была значительно большим, чем просто развлечение. Ежесубботние сборы высородных магов, их соревнование между собой давно уже стало для него чем-то вроде допинга. Иерархическую нишу, которую он занимал по праву и по способностям, казалось, ничто не могло поколебать. Традиционная сессия в покер в тот вечер у Урфа не шла. Правильнее сказать, партия сменяла партию, а вот карта упорно не шла. Проиграв в очередной раз, Урф даже попытался сжульничать, что совсем было не к лицу магу высочайшего уровня. Но напротив него сидели такие же, или почти такие же зубры магии, как и он сам. В результате граф получил такой ментальный удар от своих противников, что, ошалевший, сдал еще три партии. И это было поражение... Хоть и равным соперникам, но все же поражение.

Фон Кобельянц, носивший на этой неделе замысловатый титул штандарт-курфюрста Вальдштатского, думал недолго. Громко шмыгнув носом, он ловко вставил монокль и тонким голоском изрек: — От проигравшего ждем пред-

ставление. Сказка, старая, но на новый лад! Устроить для всех присутствовавших за зеленым столом!

— Хи-хи-хи — задергалась Дама Треф, теребя кустистую бородавку на щеке. — Сказка — это интересно!

Урф наконец-то взял себя в руки. Он отрезился от мира трехмерного покера, от комбинаций карт, от игры. Сейчас надо было сосредоточиться на главном. Начинаясь Игра. Игра в виде Сказки. Готового сценария Сказки нет, он волен написать его сам. Но он представит им Сказку, Сказку — фарс. И все тут.

Желание победителей — закон, и если Сказка не понравится, то не видать стола зеленого Урфу, и титулы выбирать ему не из графьев и герцогов, и вот это уже будет действительно поражение, и прежде всего в правах.

Ментальный блок, которым Урф отгородился от своих партнеров, легонько вибрировал под их мыслимпульсами. Прощупывают, но открыто поковыряться в его мозгах никто не осмелился. Пока еще с ним считались... Пока еще...

Третий победитель приоткрыл глаза, изобразил грустную улыбку на остренькой мохнатой мордочке, когтистыми лапами сорвал с шеи Урфа цепь с пентаграммой и, взмахнув когтистыми крыльями, полетел в Трансильванию. Очень быстро полетел, потому что близилось утро и ему необходимо было успеть. Он тоже носил титул графа, и, из всего выходило, что в случае поражения Урфа, роль палача исполнять будет он.

— Кто владелец склада? — Урф спросил Мерли, грума и подмастерья в одном лице.

— Некто Джузепе Кларини, любитель выпить, но не пьяница, семьянин, жену бьет, но не в усмерть, добр, но не в ущерб делу, скуп, но многим готов пожертвовать, чтобы выгладеть щедрым. Основная черта характера — конформность. Есть и увлечения — пытается резать по дереву, но получается — курам на смех.

— Теперь о партнере.

— Слушаюсь, сир. — Мерли снова поклонился и продолжил. — Интерес представляет Карло Ангелотти...

Урф поморщился, в их круге фамилии с подобной основой считались по меньшей мере неприличными.

Мерли затараторил быстрее, стараясь побыстрее замять данный конфуз, дабы высокочтимый граф не впал во гнев.

— Резчик по дереву, пьет каждый день, пару раз в неделю — до беспамьятства. Из-за пьянства сидит без серьезных заказов, послед-

нее время перебивается изготовлением кукол. Кстати, знакомы Джузепе с Карло именно благодаря пьянству и резьбе по дереву.

Граф с апатичным лицом выслушал грума. Подбор действующих лиц был хорош, все-таки Мерли прекрасный исполнитель. А вот до мастера ему еще... В том месте, что у христиан называется душой, у Урфа возникло какое-то раздражительное сожаление. — Чего, куда он спешит, слова глотает, лучше бы фамилию эту месту и персонажам неприличествующую проглотил. Уже пять веков в подмастерьях ходит и еще столько-же проходит. Он взглянул на Мерли. Тот с легким подострастием всматривался в лицо патрона. — А не читает ли он мои мысли, — подумал Урф, и тут же себе ответил, — да нет, я бы почувствовал, все — таки пока я мастер.

Мерли тихонько вошел в каморку, так что даже дверь не скрипнула. Справедливости ради следует отметить, что двери в каморке не было, ее заменяла неопределенного цвета занавесь, ведущая происхождение свое, сообразно запаху, от конской попоны. За дощатым столом в винных пятнах сидел ремесленник Карло, с тоской на лице, трезвый, потому что без заказов, а стало быть и без денег. Наверное, ждал заказчиков.

— Хвала творцу, мастер, — торжественно поздоровался Мерли, озадачив бедного резчика глубоким поклоном, удивительным образом перешедшим в изящный книксен.

— Аминь, — с удивлением ответил Карло, польщенный обращением. Он даже привстал и широко взмахнул правой рукой, приглашая гостя расположиться поудобнее.

Мерли продолжал стоять, поскольку сестра на стол или, тем более, возлечь на пол ему не позволяли правила приличия, а иной мебели, кроме как табурета, занятого резчиком, в каморке не было. Выдержав небольшую паузу, Мерли начал разговор, в его глазах зажглись лувкавы огоньки.

— Не соблаговолит ли знатный резчик, мастерством потрясший Силянью и Куртавию, принять в работу заказ на куклу деревянную, красного дерева, в три локтя высотой, сколь искусную, столь и щедро мною оцененную. (Будь обыкновенным человеком, Мерли, безусловно взопрел бы от подобных словес, но здесь и сейчас он по воле своей и сюзерена уже был персонажем Сказки.)

Карло обалдело уставился на посетителя. Размягченный алкоголем мозг не замечал сарказма в речах гостя, простого несоответствия между высотой выпренного слога и глубиной дна, на котором обитал резчик. Однако

же главное он понял: нужно сделать большую куклу и на этом можно заработать. А к чему его известность в Силинии и Куртевии, двух пригородных деревушках, населенных одним сбродом, и прозванных горожанами Страной Дураков? Не понять господина, ну да и ладно. Карло гордо откинулся на стуле, но забыв, что под ним табурет, сверзился наземь. Мерли с содрогаящимися от сдерживаемого смеха плечами усиленно делал вид, что ничего не произошло.

— Так что же мастер, каков будет ответ?

Карло тем временем вновь уселся за стол.

— Заказов у меня много, господин хороший, и даже не знаю, как выкроить время, чтобы выполнить ваш заказ. Может быть, через неделю-другую...

— В таком случае, не мог бы досточтимый мастер посоветовать мне другого искусника из своего цеха, согласного за полновесный золотой исполнить мою просьбу.

«За золотой!» — Карло чуть вторично не упал с табурета. Хвала господу, что на стол локтями опирался. — За золотой — деревянную куклу! Да за золотой он Папу Римского вместе с Девой Марией и Двенадцатью Апостолами в полный рост сваяет!

— Согласен, — выдохнул Карло. Он заглянул под стол, пошарил под ним руками и вынул оттуда уже знакомое Мерли полено. — Вот прекрасный материал, ливанский кедр, вчера только купцы из Триполи доставили.

Конечно же, ливанский кедр был обыкновенной осиною, а триполитанских купцов представлял хозяин дровяного склада Джузепе Кларини. Мерли его накануне обработал, внушив непреодолимое желание подарить деревянный чурбан Карло. Внушить нужное желание можно было и резчику, но отдать золотой было дешевле. К тому же грум несколько опасался алкоголиков, в их мозгах он мог не найти точек приложения для гипноза. Все-таки Мерли был еще не вполне волшебник, а только учился...

— Не ссудит ли благородный господин парой-другой сольдо в счет будущего гонорара? — заискивающе пропел ремесленник.

— О нет, уважаемый мастер, ибо, как сказано в Священном начертании, — не искуси ближнего своего, ему же и во зло, дабы обрести излишнее, а произведи оплату по факту!

Карло и в Священном писании не силен был, а уж про Священное начертание он, к стыду своему, даже и не слышал. Тем не менее, ничего не поняв из услышанной галиматии, но боясь потерять такой щедрый заказ, он согласно закивал, затряс головой и извиняюще развел руками.

— Да, сеньор, мудростью ваши речи наполнены, и оплата, коль положена, то пусть так и будет.

— А куклу доставить следует по адресу — Мерли назвал дом и улицу, — к завтрашнему утру, еще до рассвета. Там и расчет получишь. Да не мешкай, граф ждать не любит!

Занавесь качнулась, и Карло остался один. Лишь мгновение сидел он в оцепенении, затем вскочил и бросился за посетителем, но того уже и след простыл. В последний миг удалось заметить небольшую серую повозку со звездообразным гербом на борту.

Неизвестно откуда взявшаяся старуха-нищенка протянула костлявую руку за подаянием и получила от резчика прекрасный образец площадной брани. Издалека донеслись удары колокола, созывающие паству к обедне. Карло закончил тираду, посмотрел на замершую перед ним нищенку и, что было совсем на него не похоже, извиняюще сказал:

— Знаешь, мать, у самого тараканы третий день не кормлены. Вот так. Не горюй.

Старуха поклонилась, почесала бородавку на щеке и, не солоно хлебавши, поплелась прочь.

Карло вернулся в каморку и сел за стол, служивший ему одновременно и верстаком. Времени на заказ было достаточно — вечер и ночь. Достав еще не пропитые резцы и долота он принялся за работу. Мягкая осина, куда легче, чем ливанский кедр, поддавалась железу. Пару раз резчику казалось, что дерево вздрагивает под рукой, но он только крепче сжимал резец. За час до рассвета кукла была готова.

Дом был старый, с полуразрушенными воротами, с наглухо запертыми ставнями на окнах, увитых плющом. Карло много раз проходил мимо дома и был уверен, что в нем никто не живет. А вот поди ж ты, живут! Даже граф какой-то...

Он потянул тяжелую калитку, которая на удивление легко и бесшумно открылась. Со столба у ворот вспорхнула то ли птица, то ли летучая мышь — в предрассветных сумерках не разберешь. Карло поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

Карло ничего не оставалось, как взять деньги у сварливой кухарки. С радостью он увидел, что старуха сунула ему не один золотой, а целых два. От такой неожиданной прибыли настроение у резчика поднялось до заоблачных высот, даже закралась крамольная мысль — может стоит завязать с пьянством и жениться? А чем черт не шутит... А что тетка куклу не взяла, так это не его проблема. Он усадил куклу у двери, и довольный отправился восвояси. Он свое дело

сделал, куклу принес к назначенному сроку и по указанному адресу, расчет получил сполна. Вот граф проснется, кухарке всыпет по первое число, начнет кричать: «Где кукла, где заказ?», а кукла — вот она, на крыльце сидит, дожидается. С этими мыслями Карло весело шагал по улицам городка и вдруг услышал, что следом кто-то идет, стараясь ступать нога в ногу с ним. Шаги эти были звонкими, цокающими, будто кто-то в деревянных башмаках крадется за ним.

«Выследили, сволочи. Но нет, не видать вам моих денег», — резчик наклонился, будто бы поправить штанину, вытащил из башмака остро заточенное долото и осмотрел улицу позади себя. Увиденное потрясло его, волосы встали дыбом, а по спине поползли мурашки. В этой ситуации от его оружия пользы было мало. Следом за ним шла деревянная кукла в три локтя ростом.

Карло направился в таверну. Раньше он частенько заглядывал в эти заведения, но в последнее время дела пошли хуже, и резчика уже стали понемногу забывать. Но сегодня он напомним им про себя. И он не пойдет в «Ржавый якорь» или в «Старую пристань». Сегодня он богат, и стопы свои направит в «Три сардины». Вот это таверна так таверна — как раз для мастерового люда. Туда порой даже городские стражники отдохнуть заходят, а всякий сброд и не пускают вовсе. Сеньор Джованни, хозяин таверны, не дал как месяц назад выкинул его из заведения, мол, не место ему среди порядочных людей. Ну и что же, Карло теперь поднялся, и среда «Трех сардин» — его среда.

Карло не совсем уверенно толкнул дверь таверны и ввалился в заведение. В послеобеденное время помещение было полупустым. Сеньор Джованни, крупный толстый человек в засаленном сюртуке, заметив Карло, наморщил брови, но многолетний опыт подсказал ему, что сегодня резчик пришел не попрошайничать, а тратить деньги. Легкий подзатыльник мальчишке, и тот уже сорвался с места, протер грязный стол таким же грязным полотенцем и застыл в ожидании заказа. Ободренный столь почтенным обхождением, Карло уселся за стол и почувствовал себя человеком. Спустя пару часов таверна заполнилась посетителями, тут же нашлись друзья Карло, сто лет его не видевшие и безумно обрадовавшиеся сегодняшней встрече. В таверне стало душно, запах вина и жареного мяса смешивался с миазмами человеческих тел и табачного дыма, создавая располагающую к глубокомысленным размышлениям атмосферу. Карло сидел за большим деревянным столом в окружении таких же выпивох, как и он сам. Сидел с обеда, шумно и богато,

пропивая первый из двух полученных за работу золотых. Карло платил, и хозяин ему улыбался, он угошал, и вновь обретенные друзья с вниманием слушали его пьяные бредни.

— Такая вот история, друзья мои. Заплатили мне за работу хорошо, но теперь еще один рот надо кормить.

— Послушай, Карло! Ты ведь говорил, что пацан твой деревянный. Чем же ты дерево кормить будешь?

В таверне загоготали. Карло отхлебнул вина.

— Хотите верьте, хотите нет, но теперь будете звать меня папой Карло.

Дверь в таверне непрерывно хлопала, впуская в сумеречный зал таверны порции свежего воздуха и новых посетителей. Высокий, худой мужчина в черном плаще остановился в дверях таверны, вслушиваясь в пьяные разговоры. В помещении повисла тишина, и без того неяркий свет от коптящих сальных свечей вдруг стал совсем робким, замерцал и заметался в клубах пара и табачного дыма. Все замолкли, и только пьяный голос Карло вещал: «Отец я этому черту деревянному, ей-богу отец».

Председатель Святой Инквизиции уселся во главе длинного стола. Свет от нескольких свечей едва-едва рассеивал темноту монастырского подвала, но Председатель не роптал, ибо недостаток освещения никогда еще не был препятствием, чтобы разобраться в потемках души обвиняемого. Скромные одежды монаха-доминиканца, кротость, смирение, и, одновременно, безжалостность на худом, но не аскетичном лице, и ... сверкающий в глазу монокль. Рядом с ним сели двое францисканцев — судей, а чуть поодаль, за отдельным столом — два представителя городского магистрата — светская власть. За спинами судей, на сырой стене подвала белело распятие из слоновой кости. Перед столом, закованный в колодки стоял резчик по дереву Карло Ангелотти. Он видно еще не вкусил искусства христианского допроса с пристрастием, а потому держался с видом, некоторым образом возмущенным. Председатель начал:

— Итак, смиренный горожанин Карло, оступившийся, но осознавший ли?

— Не виновен я ни в чем! Ни перед людьми, ни перед Господом! — завизжал Карло.

Председатель удовлетворенно закивал головой и, взглянув на заседавших с ним монахов, удрученно развел руками:

— Не осознавший, а потому и не раскаявшийся. — Затем голос его усилился и загремел под низкими сводами подвала. — Не святотатствуй, что не виновен, ибо лежит на всех людях вина, лежит и на тебе. И меру вины твоей перед людьми, мы с высочайшего благословения

установим, а вину твою перед Творцом, только Он и измерит, и прощение даст. Против тебя, Карло, — Председатель нацелил вооруженный глаз на лист бумаги, — свидетельствует добропорядочный гражданин Джузеппе Кларини, торговец деревом. Свидетельствует в том, что смастерил ты идола деревянного, говорить и мыслить способного! Ты, наверно позабыл, кто есть Творец всего сущего?

— Сотворил по воле Господа. Сам бы никогда не смог!

Францисканцы, услышав такие речи, возлегли очи горе и истово закрестились. Председатель с негодованием воззрился на ремесленника. — Да ты, наверно, себя святым считаешь, раз способен чудеса творить. По воле Господа днем творят, свидетель же Кларини показал, что идола ты ночью создал, с помощью чар бесовских. Итак, по первому пункту обвинения, виновен ли кукольник Карло? — Виновен, виновен, — закивали францисканцы.

— Против тебя, Карло, — Председатель повторил процедуру наведения монокла, — свидетельствует Джованни Муллини, хозяин трактира «Три сардины», что ты именовал себя Папой Карло, ведая при этом, что Папа у нас один, конклавом кардиналов избранный.

— Признаю, именовал себя папой, однако же имея в виду отцовство идолу ... — промямлил Карло и весь побелев, поняв, в чем он признался, произнес эти слова.

И снова монахи-францисканцы начали молиться и бормотать молитвы. Не первый год заседа в Святой Инквизиции, они впервые встретили такого злостного и наглого грешника, признающего сговор с дьяволом даже без пыток. Председатель же неподвижной глыбой сидел за столом, вперив взгляд в подсудимого.

— И по второму эпизоду виновен — прощедил Председатель. — Против тебя, нечестивец, свидетельствует Анна, божий человек, что подобно птице небесной не жнет и не сеет, а подаянием живет. Неграмотна женщина сия, и Святой Инквизиции передала она зловредные слова, что поручено тобою идолу деревянному найти золотой ключик от райских ворот. Подтверждаешь, ли ты свои слова, Анна?

На середину зала слуга вытолкнул знакомую Карло нищенку с бородавкой на щеке.

— Подтверждаю, что богохульник он и злодей, и речи бокастные произносил.

— Виновен, все признаю, смилуйтесь! — Карло простерся на каменном полу и забился в рыданиях.

Председатель встал, за ним поднялись и другие судьи. То ли от сотрясения воздуха, то ли от сырости, пропитавшей стены подвала,

то ли по какой другой причине, но верхний гвоздь, крепивший распятие к стене проржавел, и крест опрокинулся, закачавшись подобно маятнику.

— Успокойся, Карло, согрешивший и раскаявшийся. Милость Господня беспредельна, и ждет тебя прощение на небесах. Заслуживаешь ты четырехкратного наказания, ибо грехи, содеянные тобой, тяжкие. Но я, и братья мои, добрые монахи-францисканцы, молитвами своими испросили прощение — по одному за каждое гнусное твое деяние. Четвертый грех на тебе, и сие есть ноша твоя. Искупил его и очистишься. Предаю грешника, резчика Карло, в руки светских властей, кои умоляю, чтобы не была пролита кровь сего мужа.

Двое стражников подхватили ремесленника и выволокли из зала. Представители городского магистрата глубоко поклонились святым отцам, и, поблагодарив за правый и скорый суд, покинули подземелье. Стоявший в стороне пыточных дел мастер скучающе смотрел на происходящее. Сегодня его умение оказалось невостребованным.

На следующее утро городские глашатаи и вездесущие мальчишки сообщили новость: на рыночной площади за связь с дьяволом будет сожжен на костре ремесленник Карло.

Народу на площади собралось много, ибо всем известно, что участие в сожжении еретика есть дело благочестивое. Здесь были и простолюдины, пришедшие всей семьей посмотреть на зрелище, и отцы города, присутствием выполнявшие свой долг, и отряд солдат в сверкающих кирасах, оттесняющих толпу от костра. Городская верхушка разместилась на трибуне, воздвигнутой непосредственно перед местом казни. В связи с этим народ выказывал, правда шепотом, некоторое неудовольствие, поскольку трибуна эта существенно ограничивала обзор жадующих.

В толпе на все лады обсуждали происходящее, основным лейтмотивом этих бесед было удивление, чего ради какого-то резчика-пьяницы устраивают аутодафе. Непонятно, даже если он и насолил кому-то из власть предержащих, можно было просто удавить или зарезать, никто бы и не хватился. А то устроили мероприятие, рынок разогнали.

Аккуратно сложенные и облитые смолой поленья, все ровные, одно к одному составляли помост. Джузеппе постарался, доставил дрова для богоугодного дела, в душе, моля бога, чтобы его самого не привлекли как соучастника. Ряды полений перемежались толстыми слоями соломы. Карло, одетого в желтый балахон, разрисованный языками пламени, привязали

к столбу и зачитали приговор. Стоящий рядом францисканец, один из его судей, отпустил грехи осужденному. Факелonosцы подняли зажженные факелы, трубачи затрубили. К костру потянулись мелкие грешники, они бросали вязанки хвороста к ногам грешника и тут же получали отпущение грехов. Наконец-то городской голова махнул рукой, факелы коснулись соломы, толпа на площади замолчала в ожидании. Густым белым дымом заволокло Карло, и сквозь треск горящего дерева донеслись его крики. И крики эти были отнюдь не во славу господ.

Толпа одобрительно гудела, смакуя зрелище, но крики жертвы длились недолго, организаторы слишком много положили в костер соломы, и, вместо того, чтобы гореть заживо, грешник чересчур быстро задохнулся в дыму. Костер тем временем разгорелся (Джузепе доставил дрова хорошо просушенные, качественные), и от невыносимого жара, кирасы солдат так нагрелись, что те сами чуть не испеклись заживо и были вынуждены оставить свой пост. Когда таким образом охрана оказалась снята, и уже никто и ничто не сдерживало толпу, то задние надавили, а передние не устояли и очутились слишком близко к костру, а тут еще и порыв ветра метнул языки пламени навстречу толпе. В общем-то многим добропорядочным гражданам города опалило волосы и брови на лице, а одного сорванца, в три локтя ростом, скачущего и кривляющегося перед костром, пламя прямо-таки накрыло. Вечером, в заполненных трактирах, довольные зрелищем жители города с весельем вспоминали этот случай, демонстрируя на красных лицах опаленные бороды.

В предутренних сумерках старуха-нищенка с безобразной бородавкой на щеке ковырjалась

в остывших угольях костра. Высокий, аристократического вида мужчина с отрешенным видом наблюдал за этим нехитрым и неинтересным для стороннего наблюдателя занятием. Рядом с ним стоял странного вида субъект с моноклом в глазу и с сидящей на плече летучей мышью, мохнатая мордашка которой удивительным образом напоминала человеческое лицо.

– Все собрались... — подумал граф.

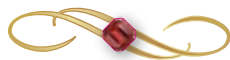
– Да, все — мысленно ответили партнеры по Игре. — Мы довольны представлением и своим участием в нем...

Вампир вспорхнул с плеча и торжественно опустил цепь Мастера на грудь графа. И улетел, бесшумно взмахивая крыльями — до утра осталось совсем ничего.

Нищенка же продолжала свои поиски. Неподалеку от основного пепелища лежала головешка, напоминавшая своими очертаниями большую детскую куклу. Старуха ткнула в нее клюкой и угли рассыпались. Но в земле осталась торчать острая обгоревшая щепка, которая, наверное была, носом куклы.

– Смотри-ка, на веретено похоже, — прошамкала старуха. — А вчера на площади кто-то сказал, что в соседнем королевстве родилась принцесса, которая боится веретена. Или я ослышалась? Надо будет уточнить, а граф? — И она лукаво, подмигнула аристократу.

Граф ничего не ответил. Он лишь запахнул плащ. Даже его холодные глаза не могли скрыть удовлетворения. Сегодня, и, по крайней мере, до следующей покерной партии, он Мастер, Мастер Фарса. Его сказка удалась. А что касается принцессы и веретена? Так это будет уже совсем другая сказка и другая Игра, где роль исполняющего желания получит новый проигравший.

Ирина Запорожец

Старший преподаватель кафедры
языковой подготовки иностранных граждан

Я написала этот очерк давно, в 2005 году, когда наш университет готовился отмечать свой 200-летний юбилей, но он так и не был напечатан — то ли неформат для многотиражки, то ли что-то еще помешало, я уж и не помню ...

А сегодня, когда Всеволода Николаевича Коломенского уже нет с нами, воспоминания о нем представляются мне уместными и необходимыми.

Феномен Коломенского

История знает немало примеров сочетания в одном человеке многих талантов. Недаром сложилась поговорка: если человек талантлив, то он талантлив во всем. Эти слова в полной мере относятся к Всеволоду Николаевичу Коломенскому — профессору, доктору медицинских наук, а также лауреату национального конкурса вокалистов, обладателю бесчисленного количества грамот и дипломов за участие в фестивалях, конкурсах, концертах.

Однажды я открыла для себя «феномен Коломенского» — человека, сочетающего в себе два больших чувства любви: к медицине и к музыке. И мне захотелось запечатлеть в славной истории Харьковского государственного медицинского университета одно из его прекрасных лиц. Итак...

Я бегу на встречу с Коломенским. Солнце такое, словно сейчас не октябрь, а разгар лета. Осень просто сошла с ума, и все люди немного сумасшедшие от сошедшей с небес благодати. Видимо, день, похожий на сегодняшний, поразил когда-то Ахматову:

Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,

И весенняя осень так жадно ласкалась к нему...

И я чувствую себя мятежником, способным совершить героическое.

Я бегу на встречу с Коломенским. Небесное светило явно со мною заодно. Как то встретит светило медицины?..

После оживленной улицы коридор больницы кажется мрачноватым.

Так, дежурная сказала — налево, потом направо в конец коридора. Ага, вот дверь с надписью «Профессор». С некоторым трепетом, который всегда охватывает меня при общении с людьми, отягощенными регалиями, вхожу в кабинет...

Мы и раньше встречались с Всеволодом Николаевичем, но он не помнит меня. А я хорошо помню этого большого человека, ожидающего выхода на сцену в маленькой комнатке за кулисами. Он смотрит на меня и группу моих студентов (мы тоже готовимся к выступлению) как-то сверху вниз или сверху мимо, не знаю, но его взгляд кажется мне холодным и неприветливым. Потом я понимаю, что он не видит нас, не слышит, о чем мы говорим. Сейчас он не профессор медицины, не педагог, а артист, который переживает минуты перевоплощения.

Я не помню, что исполнял Всеволод Николаевич на том концерте, это было давно, но его сильный, красивый голос поразил меня и остался в памяти.

...Робко вхожу в кабинет. Мне приходилось бывать в профессорских кабинетах — просторных, комфортных, с дорогой мебелью. В них чувствуешь себя букашкой. Здесь нет ничего подобного, похоже, что обитателю этого помещения нет дела до комфорта, до дизайнерских изысков, не это главное.

Здороваемся, присматриваемся друг к другу. Концерт в нашем университете? Да я много выступаю в разных местах. Хотите рассказать обо мне? Обо мне многие рассказывали, в том числе и телевидение, передача «Вечерняя кава». Писать очерк? Обо мне уже много написано.

У меня опускаются руки. Нет, надо убеждать. Моя идея кажется мне такой интересной.

– Подумайте, Всеволод Николаевич, ведь студенты не знают своих преподавателей. Да и мы сами, вечно куда-то спеша, общаясь на ходу, так мало знаем друг о друге. А ведь многих медиков можно назвать живыми классиками, которые уже вошли в историю нашего времени. Об ученых прошлого написаны книги, мы изучаем их жизнь, их опыт, иногда пренебрегая опытом современников. Хочется, чтобы в историю вошли не только достижения наших ученых в области медицины, но и триумф покорения других вершин — вершин искусства. И назовем мы наш проект «История в лицах». И первым лицом нашей истории я предлагаю быть Вам, Всеволод Николаевич.

Кажется, холодок исчезает. Сомнение, недоверие сменяются интересом, любопытством. Собираетесь посетить мою лекцию? Хорошо, давайте уточним какую, чтобы вам было интересно. Болезни желудочно-кишечного тракта — подходит? Хотите посетить практическое занятие? Можно, в четверг у меня III курс занимается, приходите. Кружок? Да, пожалуйста, по средам кружок, посмотрите, какие студенты приходят, как мы работаем с больными детьми.

И вдруг, как будто что-то вспомнив, предлагает:

– А хотите на концерт? Я выступаю в химико-фармацевтическом училище.

Ну, слава Богу, лед тронулся.

Несколько дней спустя я пришла на лекцию по желудочно-кишечному тракту. Был перерыв, аудитория гудела, жевала, шелестела конспектами в ожидании начала занятия.

Внезапно воцаряется тишина. Момент единения сотни юных сердец в одном порыве — отдать дань уважения своему Учителю. И я замираю вместе с ними. Несколько секунд кажется, что никто не дышит, потом звучит приветственная реплика профессора и начинается диалог, вернее, лекция в форме диалога. Всеволод Николаевич постоянно апеллирует к студентам, к их знаниям. Он учит их мыслить, сопоставлять, обобщать. Бимануальная пальпация сменяет респираторно-диафрагмальную... Пальпация методом Кармана, скользкая пальпация... Печень, желчный пузырь, селезенка, почка... Приглашенная из отделения больницы выздоравливающая девочка лет двенадцати смущается от всеобщего внимания к своей персоне, но все-таки послушно выполняет все команды профессора, понимая важность своей миссии — обучать будущих врачей. Она чувствует себя союзницей этого замечательного доктора, вернувшего ей здоровье, и готова помогать ему во всем.

А потом было практическое занятие. Был научный кружок. И я отметила то, что не так часто

сегодня можно встретить во взаимоотношениях преподавателей и студентов: отсутствие формализма, безразличия друг к другу.

– Что с вами, Нечитайло? Болит голова? Ладно, сидите, слушайте. К следующему разу подготовите две темы. Так, Ковалева, вы немного недоучили. Дам вам возможность исправиться на следующем занятии...

Не «давит» двойками, отмечаю про себя. И правильно. От двоек опускаются руки. Лучше дать шанс доработать, доучить. Доверие преподавателя — большой стимул для студента. А уж если подведет, тогда сменить тактику. Но никто не подводит, потому что это невозможно. Нельзя, и все.

Позже коллеги Всеволода Николаевича рассказывали, что профессор Коломенский никого в своей жизни не подвел, поэтому взаимное доверие становится основой общения с этим человеком. Вот и мне он поверил. И это то доверие, которое невозможно не оправдать.

Студенты любят его.

– Он такой добрый, — говорит тот, у которого на занятии болела голова. — Но строгий.

– А как он любит детей! — продолжает девушка. — И вообще он очень талантливый человек.

С кем бы я ни говорила о Всеволоде Николаевиче — со студентами, его коллегами или слушателями в концертном зале — все отмечали его доброту и талант как главные качества (собственно, не такие уж и редкие для профессии врача, не так ли?). Однако, будучи главными, они дают жизнь другим свойствам характера, органично сосуществующим в этом человеке и составляющим его многогранную личность.

Впрочем, «феномен Коломенского» ни в какие схемы не укладывается. На то он и феномен. Я поняла это, когда познакомилась с ним поближе.

Каждый человек испытывал когда-нибудь состояние приятного волнения, когда невольно глаза становятся влажными, ком подступает к горлу и душа улетает навстречу радости. Такова сила воздействия настоящего искусства, которое проникает прямо в сердце. Я испытала эти чувства сама, и я видела их отражение на лицах людей, слушающих пение Всеволода Николаевича Коломенского.

Сольные концерты В.Н. Коломенского вошли в традицию Харьковского дома ученых. Его голос не единожды звучал со сцены Харьковского оперного театра, других профессиональных и любительских сцен Украины. Постоянные слушатели не пропускают ни одного выступления мастера, а те, кто приходит впервые, обязательно возвращаются, чтобы повторить праздник, чтобы вновь познать удивление, ощутить радость,

восторг — чувства, которые дарит слушателям вокальное искусство профессора Коломенского.

Много раз слышанные ранее вокальные произведения — русские романсы, песни украинских и зарубежных композиторов, популярные оперные арии — в исполнении В.Н. Коломенского звучат по-новому, одухотворенные его обаянием. Старые мелодии рожают новые образы. Не случайно выступления Всеволода Николаевича всегда встречают восторженный прием — овации, горы цветов.

Как описать голос певца, да и нужно ли его описывать? Вспоминая императив классика, которого любили цитировать в прошлом: «О, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете!» — хочется воскликнуть: «О, спешите, спешите услышать Коломенского и познать радость общения с этим человеком!».

И вот наступил тот день, к которому мы с профессором старательно готовились, — день выступления в стенах родного вуза.

Опять маленькая комнатка за кулисами приютила большого человека, меряющего шаги туда и обратно (волнуется!). Жена, как всегда, рядом — ангел-хранитель.

Я читала где-то, что известный в прошлом бас Большого театра Максим Михайлов перед выходом на сцену ел соленые огурцы. Интересно, чем «питает» свой голос Коломенский? Не успела подумать об этом, как Анна Александровна вручила мужу сырое яйцо.

Последние реплики, согласование программы с аккомпаниатором, уточнения, замечания...

Я выхожу на сцену. Успеваю заметить в первом ряду всю семью Всеволода Николаевича (они не пропускают ни одного его выступления), а дальше знакомые и незнакомые лица. Начинаю говорить и не узнаю своего голоса: «... Мы назвали нашу встречу строками японского трехстишия — хокку — «Осеннюю мглу разбила и гонит прочь беседа друзей...» Потом волнение отступает, и я становлюсь частью публики, переживающей человеческие страсти, которыми наполнены произведения музыкальной классики.

Было много аплодисментов, цветов, приветственных выступлений. Был и диалог с профессором, в ходе которого зрители смогли познакомиться поближе с удивительным человеком, профессором медицины и музыкантом. Как уживаются в нем эти две стихии, не мешают ли они друг другу? Оказывается, нет, даже помогают. Абсолютный слух Всеволода Николаевича позволяет услышать через фонендоскоп то, что недоступно слуху других. А что касается вечного вопроса о дефиците времени, так его не хватает только

тем, кто ничего не делает. Да, ритм жизни интенсивный, график работы плотный, но ведь востребованность придаёт человеку сил, энергии.

А работы Всеволода Николаевича никогда не боялся. Трудовая закалка позволила ему в свое время совмещать учебу в медицинском институте и в вечерней музыкальной школе.

Он вырос в селе Козиевка Краснокутского района Харьковской области в семье сельского врача, заслуженного врача Украины Николая Петровича Коломенского и учительницы Анны Петровны Коломенской — великих тружеников. Они и в детях своих воспитали любовь и уважение к труду.

То, что Всеволод Николаевич достиг таких вершин, не случайно. Природный талант без трудолюбия — ничто, и он с благодарностью вспоминает родителей, давших ему крепкую жизненную основу. А он, в свою очередь, закладывает ее в своих детей, сохраняя преемственность поколений.

В семье Коломенских господствует любовь и взаимопонимание. Обаяние личности Всеволода Николаевича живет в каждом члене семьи, и все «заражены» его страстью к медицине и к музыке.

Всеволод Николаевич Коломенский — профессор ХНМУ, доктор медицинских наук. Вся его жизнь после окончания Харьковского медицинского института в 1954 году связана с этим вузом и с кафедрой пропедевтики детских болезней, которой он заведовал с 1973 года. Он является абсолютным авторитетом в педиатрии. Его фамилия — это «пароль», открывающий многие двери в Харькове, Киеве и других городах.

И в то же время Всеволод Николаевич остается очень скромным человеком, абсолютно не ощущающим себя важной персоной. Двери его кабинета в клинике открыты для всех — знакомых и незнакомых. Открыто и его сердце.

— Я не делю людей на своих и чужих. Все люди — свои, — говорит Всеволод Николаевич.

И если требуется его помощь, он помогает, не взирая на чины и знакомства.

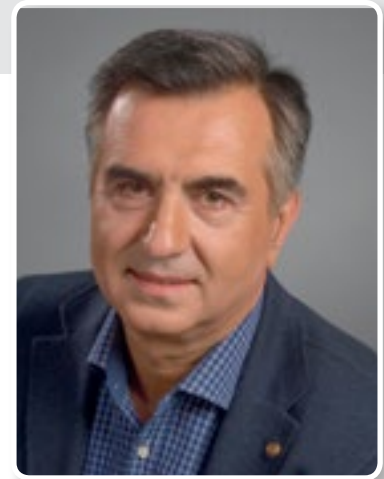
А если зал скандирует «Браво!», можете не сомневаться — он не оставит без внимания просьбу слушателей.

«Потрясающий человек», «таких людей мало», — так говорят о нем коллеги. — «Он готов делать добро для всех».

Трудно не согласиться с этими словами, разве что добавить от себя, что талантливых людей на свете немало, а людей, наделенных талантом доброты, — единицы. И среди них — Всеволод Николаевич Коломенский.

Член-корреспондент Национальной академии медицинских наук Украины, лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, заслуженный врач Украины, доктор медицинских наук, профессор, ректор Харьковского национального медицинского университета, директор Харьковского областного клинического центра урологии и нефрологии имени В.И. Шаповала, заведующий кафедрой урологии, нефрологии и андрологии Харьковского национального медицинского университета

Бытует мнение, что писать воспоминания — это отдавать дань моде. Сейчас это один из самых распространенных жанров литературы, в том числе и у именитых мастеров слова. Почему это происходит? Можно ли назвать это кризисом творчества, потерей мастерства или причина в чем-то ином?

Я задумался об этом, когда мне самому захотелось обратиться к воспоминаниям. Когда работаешь рядом с выдающимися людьми, являешься свидетелем их жизни, принимаешь в ней непосредственное участие, имеешь возможность увидеть и узнать то, чего не видят и не знают другие, ты просто обязан поделиться этим со всем миром, запечатлеть на бумаге живые моменты общения с необыкновенными людьми.

Так рождается мемуарная литература. Именно она обладает невероятной силой воспитательно-го воздействия. В ней нет выдуманных или приукрашенных историй. Часто после прочитанных мемуаров хочется сказать в душе «верю» и посмотреть на жизнь другими глазами.

Мне хочется, чтобы именно такие чувства вызвали у читателей воспоминания о Владимире Ивановиче Шаповале — Человеке, Учителе, Враче.

ЖИЗНЕННЫЕ УРОКИ

Всем правит случай.
Знать бы еще, кто правит случаем.
Станислав Ежи Лец

Не буду оригинальным, если скажу, что очень часто большую роль в жизни человека играет случай. Он может не только раскрыть глаза на какое-нибудь событие, но и изменить наше сознание, мировоззрение, а значит, и жизнь. Такой случай произошел и в моей жизни.

Я как раз отслужил два года врачом в армии и вернулся в клиническую ординатуру, которой руководил Владимир Иванович Шаповал.

Мне неоднократно посчастливилось присутствовать в кабинете Владимира Ивановича «за рюмкой чая» в обществе известных и влиятельных лиц области, Украины, бывшего СССР. Это были секретари обкома КПСС, руководители КГБ, прокуратуры, милиции, в том числе секретарь ЦК КПСС Олег Бакланов, председатель КГБ СССР Владимир Крючков, секретарь

Харьковского обкома КПУ Владислав Петрович Мысниченко и другие.

После очередного приема, связанного с праздником Победы, когда все разошлись, Владимир Иванович запер дверь, открыл бутылку коньяка, наполнил рюмки, и у нас начался разговор «о времени и о себе». Выслушав мои (на тот момент экс-секретаря комитета комсомола с правами райкома) «правильные», идеологически выстроенные сентенции, строго соответствовавшие генеральной линии партии и изложенные вполне искренне, без ложной патетики, он не менее искренне резюмировал: «Я вижу, ты начался многих хороших и правильных рассказов о войне. Все это похвально. Но я тебе расскажу историю моей войны, простого сельского мальчишки».

И он поведал мне два сюжета, поразивших меня до глубины души, перевернувших мои жизненные стереотипы и впервые заставивших усомниться в стереотипах, принимав-

шихся мною как истина в последней инстанции.

В детстве Володя Шаповал мечтал стать летчиком или хотя бы военным. Тут он ничем не отличался от большинства своих сверстников, в то время это была мечта каждого мальчишки. Жил он в Кировоградской области, Знаменском районе, в селе Трилеса с матерью, отцом и младшей сестрой. В 1937 году отца арестовали по ложному доносу и репрессировали. Больше семья его не видела. Село было небольшое, и, по словам Владимира Ивановича, он знал автора доноса. Арест отца закрыл парню дорогу в военное училище. По совету школьного учителя мальчик пошел учиться в фельдшерскую школу в райцентре Знаменка. Когда началась война, Володе было 16 лет. По возрасту он не подлежал призыву в армию. Его семья, как и многие, боялись оставаться в оккупации и решили эвакуироваться. Люди шли в сторону Харькова. Добравшись до Полтавы, узнали, что бывшую первую столицу заняли немцы. Семья Шаповала решила возвращаться домой: там есть огород, картошка, капуста, другие овощи. Худо-бедно, но можно было прокормиться. В любом случае это лучше бездомного скитания по оккупированной территории. Так началась в Трилесах военная юность Володи. Немцы в селе не появлялись. Основные продукты питания имелись. Единственным дефицитом являлась соль. Юноша выменивал ее на вещи и имеющиеся в наличии продукты. Однажды его школьный друг и товарищ детства Колька прибежал с неожиданной новостью: в село приходили немцы и объявили, что проводят набор в полицию. Сейчас нам хорошо известно, кто такие были полицаи. Тогда же сельские пацаны не имели об этом ни малейшего понятия. На вопрос: «Что это?», Колька объяснил, что-то вроде народной дружины. Им уже 17 лет, идёт 18-й, и есть шанс быть принятыми. Дают обмундирование и паек: хлеб и сало, но, самое главное, винтовку! А для молодых ребят винтовка в военное время — символ зрелости и независимости. Работы-то — всего лишь выходить по графику на дежурство и следить за порядком в родном селе. Конечно же, такая перспектива казалась заманчивой. Если к имеющимся овощам добавить хлеб с салом, вполне можно прокормиться всей семьей. Да еще и винтовка в руках! Друзья решили записаться в полицаи.

Но мудрая мама убедила Володю обратиться за советом все к тому же учителю. Тот внимательно выслушал парня, а потом сказал: «Николай, если хочет, пусть идет, а тебе нельзя, ты — подпольщик». На недоуменный взгляд Володи последовало пояснение: «Помнишь, когда ты ходил менять продукты на соль, я тебя

просил отнести письма моим знакомым. Первый и второй раз мы тебя проверяли, а потом ты уже выполнял задание партизанского отряда, оставленного в тылу врага партийной организацией». Вот так нежданно-негаданно, сам того не подозревая, Владимир Иванович стал подпольщиком и долгое время продолжал выполнять обязанности связного.

В партизанском отряде парню пригодились неплохое знание немецкого разговорного языка. В немецкой армии были представители различных национальностей и акцент вполне допускался, что позволяло Володе с товарищами, переодевшись в немецкую форму, выходить с автоматом на дорогу и, встретившись с патрулем, нажимать на спусковой крючок, уничтожая врагов, практически сверстников по возрасту. Справедливости ради надо сказать, что взгляды и вопросы в глазах тех, кто погибал от пули «своего», остались в памяти Владимира Ивановича навсегда.

Но на войне как на войне. И по законам военного времени выживает тот, кто стреляет первым.

Главные же фронтовые воспоминания будущего профессора были связаны с его хирургической деятельностью (в результате тяжелейшего ранения правая рука стала короче и в клинике профессору приходилось пользоваться специально изготовленными для него удлиненными инструментами, а оперировал Владимир Иванович очень бережно). В отряде все приходилось делать самому. Из города ему доставили необходимые книги: атлас анатомии, атлас и пособие по хирургическим операциям, учебник по оперативной хирургии и другие. В качестве наркоза использовали спирт и самогон. Практика буквально сочеталась с теорией. Владимир Иванович, разложив перед собой книги, оперировал, заглядывая в описание процесса, а ассистенты перелистывали страницы. Вот в таких условиях совершенствовалось его хирургическое мастерство. Конечно же, тут не обошлось без Божьего дара, который называется талантом.

Отряд В.И. Шаповала воевал в составе соединения Ковпака. При наступлении оно вошло в действующую Красную Армию, а Владимир Иванович обрел статус санинструктора действующей армии.

Отгремела война. В.И. Шаповал окончил медицинский институт, защитил ученую степень кандидата наук, затем доктора наук, стал профессором, известным ученым, уважаемым человеком.

А жизнь его друга Николая складывалась по своему сценарию. Николай был осужден как предатель Родины на двадцать лет. Спасла

его от высшей меры наказания непричастность к карательным операциям и казням советских людей.

Владимир Иванович стал директором крупнейшего урологического центра в СССР, известным на всю страну человеком. С удовольствием приезжал в родные Трилеса, пока были живы его родственники. Навещал и город Знаменку, где в фельдшерской школе прошли годы его учебы.

Отбыв двадцатилетнее заключение, вернулся в село Николай. Жил, крестьянствуя, так как ничего другого в жизни не умел. Односельчане от малых детей до стариков так и звали его — Колька-полицай.

Два сверстника, два друга-земляка, граждане одной страны. Один не совсем по своей воле попал в партизанский отряд, другой также фатально оказался полицаем. Выбор, признаться, был невелик, но воля его величества Случая разительно полярно повлияла на их судьбы.

Второй рассказ Владимира Ивановича о ранении в сражении под Корсунь-Шевченковским. Произошло это на снежном поле в результате разорвавшегося немецкого снаряда. Очнувшись, он увидел болтающуюся на мышечных тканях руку. Из крупных сосудов сильное кровотечение, нестерпимая боль. Сам наложил себе жгут левой рукой. Но потеря крови была значительная. Мучила сильная жажда, утолял ее, хватая снег и жадно поедая его. Находясь в «нашей» воронке, заметил рядом «немецкую».

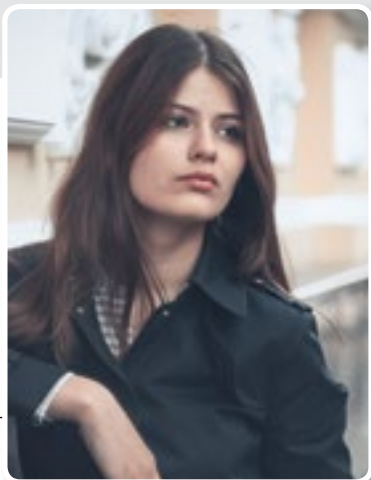
В ней прятались от снарядов раненые немцы. Никто ни в кого не стрелял. Когда в «нашу» воронку пытался влезть немец, ему показывали «их» укрытие. То же самое происходило с нашими, пытавшимися влезть в «немецкую» воронку. Бойцы с обеих сторон понимали, что изувечены, останутся инвалидами, но надежда выжить их ободряла, а мысль о том, что назад в эту мясорубку им путь уже заказан, радовала. «Ты думаешь в этих воронках, кричали: «Ура, за Сталина!»? — спросил меня Владимир Иванович. И сам ответил: «Ничего подобного. Кричали: «Ура! Война закончилась!»

Косвенно вкусив запах пороха войны, я сам не понаслышке знал многоликое лицо войны, наяву видел пропасть между пафосными заявлениями политиков, распоряжающихся судьбами тысяч призывников, и чувствами конкретных ребят, летящих в самолетах под пули афганских боевиков, и их матерей, получающих груз «200».

Но рассказы Владимира Ивановича еще раз убедили меня, что в жизни надо избегать поспешных выводов, стандартных решений и трафаретов в оценке людей и событий, заставили все, происходящее в жизни, пропускать через призму индивидуальной оптики совести и сознания, которая открывает нам множество путей к Истине. И талант человека — в способности оказаться на той одной, единственно верной дороге, которую подскажет случай и которая зовется СУДЬБА.

Виктория Лихая

Студентка 2 курса II медицинского факультета

В 2014 году я поступила в старейший медицинский ВУЗ Украины — Харьковский национальный медицинский университет. Выбор направления в образовании, честно говоря, дался мне непросто. Долгое время я колебалась между словесностью и медициной; как показывает история, это совместимые профессии.

В детстве я писала очень забавные сказки, в 10 лет даже распечатала их — получился небольшой сборник. В подростковом возрасте начала сочинять стихи, а годом позже опять пробоваться в прозе.

Ветер власами играет,
и льется пахучей волной
солнце; искрится, сверкает
на одуванчиках зной.

Расправила крылья- плечи
она — богиня цветов
Смеется; зажигают свечи
зеленые пледы ковров.

Гудят, разливая, флейты
мелодию — музыку снов,
а в танце качают ветры
причуды моих облаков.

И кружится запах дурмана
в каждом дыханье Весны.
Природа в угаре пьяном
видит прекрасные сны.

Я разукрашу небо в цвет морского бриза,
В жемчужный перламутр окрашу облака,
А после, капнув золотом на полотно эскиза,
Я Бога попрошу о ливне молока.

Я босиком станцую под теплым водопадом,
Замечтаюсь под цвета скарлет виноградом,
Улыбку счастья подарю, кому не доставало.
А после Жизни прошепчу игриво: «Мало!».

Вы говорите, что не верите в людей,
Ведь больно сделали они когда-то?

Вам жаль изнеженной души своей?
Да, спокойствие ваше свято!

Вы думаете, что будет Вам так легче?
Существовать, не зная слез и горя,
И пить напитки, что покрепче,
Боясь дать сердцу волю.

Мне Вас жаль...

Я ступаю по тем же улицам
И вижу опять тот же парк,
И тоже дыхание воздуха
Кольшет лондонский мрак.

Опять те же старые здания
В дурманящем рое огней.
Опять Виктории набережная
И мы, как из камня, на ней.

Наши руки сплелись воедино.
Ты шептал, что мы до конца
Будем крепко держаться ими,
А ветер, смеясь, мне трепал волоса.

А за берегом Темза шумела,
И рыдала, и билась о камни волна,
И кричала мне хрипло: «Не верю!».
А я верила, ведь была влюблена.

Я ступаю по тем же улицам
И вижу опять тот же парк,
И тоже дыхание воздуха
Кольшет лондонский мрак.

Доцент кафедры неврологии №1, кандидат
медицинских наук

Одного писателя спросили: «Как ты пишешь?» — «Сажусь к пишущей машинке и истекаю кровью...»

Я думаю, что творчество — это единственная возможность трансформировать переживания, воплотить эмоции в другую субстанцию, другое состояние, которое, возможно, поймут окружающие, а возможно, и нет. Но для меня написать — это выдохнуть, отпустить миг, который был значим, был важен.

Все проходит... Но остается проза, стихи, картины, а в них — чьи-то важные мгновения, чьи-то жизни.

Наталья Некрасова

Охота

Стая вышла на тропу,
На тропу войны.
Брошен жребий — выживать,
Выживать должны.

Волки шли один в один,
Медленно, след в след.
Ветер выл среди вершин,
Падал первый снег.

Все смешалось в эту ночь:
Волки, номера...
Крик людей: «Попап точь-в точь!»
Хохот, рев, игра...

Оборвалась стаи жизнь,
Гордых нет зверей.
Удалась сегодня жизнь-
Жизнь у нелюдей.

В снегу красные флажки —
Забавы власть.
В крови шерсти клочки,
Охота удалась...

С тобой

С тобой все не так,
С тобой все иначе.
В бездонных глазах
Мое небо не плачет.

И вдребезги память.
Забыто, что больно.
Ты рядом опять,
Опять я невольна.

Но эти мгновенья,
Как соль-не заменишь,
Они дуновенье,
Ты снова изменишь...

Молитва

На коленях перед образами
Силуэт казался недвижим,
Этой ночью мир как будто замер,
Все растаяло в седой тиши.

Девушка с молящими глазами
В стенах ветхого монастыря
Чистыми, горячими слезами
В невесты готовила себя.

И лампада освещала тускло
Лик мадонны и лицо другой
Той, что верила в святое чувство
Всею верой беззаветно молодой.

Потеряв другую веру — людям,
В унижении выжив и нужде,
Ей казалось никогда не будет
Доброго в ее судьбе.

И теперь стоя пред образами,
Взгляд мадонны видела она,

Бледными бескровными устами
Доброты просила. Тишина.

Тишина владела миром властно,
Как владеет нами вера в свет,
Девушка увидела прекрасный
Утро поджигающий рассвет.

И улыбка нежная, святая
Засквозила на ее лице,
Лик мадонны ожил, тая
В солнечном венце.

Палач

Под старый Новый год собрались двое —
Мальчишка и мудрец поговорить.
Мудрец сказал — секрет тебе открою,
Как быть любимым и любить.

Он растекался мыслью по дереву,
Стараясь передать весь опыт лет,
Мальчишка только слушал неумело,
Глазами обнимая лунный свет.

Вдруг небосклон звездой летящей
Окрасился всего на миг один,
Мудрец сказал: Да будь лишь настоящим,
Как этот свет. Люби и будь любим.

Игрок

Под зеленым сукном стол.
Дым сигарный над ним жив,
Этой ночью — игра вновь
В нервном ритме его жил.

Карты смело легли — стук
Притаился в груди — вмиг,
Заколдован игрой круг,
Где азартный живет шик.

Дым сигарный пьянит вновь,
Масль на сердце — бальзамом,
И застынет в нем кровь,
Ведь игрок он не даром.

Эту жизнь не понять, так
Оживляет себя он,
И рискованный вновь шаг
С каждым сердца ударом.

Под зеленым сукном стол
Дым сигарный над ним жив.

Здесь сжигает себя он,
Проиграв иль победив.

Палач

Палач шепнул: я не могу,
И топора не поднял,
Хотя б одну, одну судьбу
Спасу, спасу сегодня.

И рев толпы и стражи крик
Не слышал, задыхаясь,
Приговоренный в это миг
Молился Богу, каясь.

И жилка билась на виске
И взгляд струился жуткий
От гибели на волоске
Глаза как забывудки.

Их взгляды встретились на миг
Сердца — окаменели.
Мольба и правосудья лик
Столкнувшись — онемели.

А все вокруг ждало конца
И зрелища желало,
Укол тернового венца
Был развлеченьем малым.

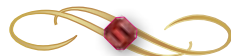
Средь ада этого во тьме
Не отводили взглядов
Приговоренный и палач,
И в унисон — не надо.

Он взгляд отвел. Зловещий плащ
В толпе скрыл иноверца.
Да, он не смог, хоть и палач,
Но суд свершил от сердца.

Чашечка кофе и вечер,
Джаза волнующий бриз.
Шорохи, шепот и свечи,
Я для тебя лишь каприз.

Я всего капля в бокале,
Выпил меня и забыл,
Я так давно опоздала
В мир, где меня ты любил.

Начальник отдела кадров университета

Родился в Брестской области Белоруссии, в семье военнослужащего. Закончил Харьковский государственный педагогический университет по специальности «правоведение».

Подполковник милиции в отставке. С детства увлекался чтением, с годами пришло желание писать самому.

Роман Олентьев

Антисоветчик

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет. Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Антисоветская агитация и пропаганда.

Статья 70 УК РСФСР

Часть первая

15 ноября 1982 года. Мне 10 лет, я учусь в третьем классе. В школу мы не ходим уже третий день по случаю объявленного по всей стране траура в связи с «преждевременной кончиной дорогого Леонида Ильича Брежнева, ушедшего из жизни после тяжелой и продолжительной болезни». «Скорбит весь советский народ и всё прогрессивное человечество».

Эти три дня внезапно свалившихся на нас «траурных каникул» особенного эмоциональ-

ного подъема не принесли. Гулять на улице было уже холодно, а саночно-хоккейное время ещё не наступило. По всем трем телевизионным каналам непрерывно играли симфонические оркестры и показывали балет.

Мы с отцом сидим на диване в гостиной и смотрим по телевизору похороны Леонида Брежнева. Картинка черно-белая, от чего происходящее по ту сторону экрана воспринимается как документалистика. Гроб с телом покойного опускают в могилу у Кремлевской стены, грянул салютный залп, оркестр заиграл гимн Советского Союза. В носу предательски защипало. Отец толкает меня в плечо и говорит: «Чего расселся, гимн играет, вставай, давай!» И мы стоим в пустой квартире вдвоём по стойке «смирно» под звуки гимна великой и могучей, самой лучшей страны на свете.....

Я принадлежу к тому поколению нашего общества, чьё детство прошло в безоблачное время семидесятых и восьмидесятых годов минувшего столетия, ушедшую безвозвратно советскую эпоху. Возвращенные на боевых подвигах героев не только Великой Отечественной, но и гражданской войн, культивируемых в то время большей частью уже цветных кинофильмов, школьных уроках пения и прозе Аркадия Гайдара. Больше своих родителей советским детям полагалось любить дедушку Ленина, а лучшим детектором лжи перед своими малолетними сверстниками служила клятва именем вождя мирового пролетариата.

Советские дети моего детства пугали друга друга отравленными американскими жвачками,

подбрасываемыми подлыми американскими шпионами, и доподлинно в деталях передавались из уст в уста страшные истории, в правдоподобности которых нельзя было и усомниться благодаря обилию второстепенных деталей в описании рассказчика, об одной девочке или одном мальчике, которые не послушали советы папы и мамы или учительницы Марьванны и были зверски замучены проклятыми буржуинами.

Мои одноклассники носили в школьных портфелях белые простыни, стащенные из дому в тайне от родителей, так как дети, как наиболее впечатлительная часть общества, ожидали как неизбежность ядерную войну с проклятой Америкой, где по отчетам спецкоров ИТАР ТАСС, вещающих в программе «Время», и политических обозревателей «Международной панорамы» Валентина Зорина и Генриха Боровика процветают разгул расизма, апартеид, линчевание негров, а все честные рабочие спят в пустых коробках возле метро. Будущая война, несомненно, должна была начаться в ближайшее время, вот-вот, через год-два, и шансов уцелеть в ней было гораздо больше у владельцев белых простыней, которые смогут ими укрыться для отражения ядерной вспышки.

Таким же, как и все, типичным советским ребенком я и жил до второго класса, пока на одном из уроков обожаемая нами, младшеклассниками, Елена Брониславовна, наша первая учительница, что характерно, впрочем, и для всех остальных бывших, настоящих и будущих учительниц младших классов, и является больше специфической особенностью любви детей младшего школьного возраста, выбирающих предметом своего обожания своих первых учителей, не поведала нам будничным тоном историю о расстреле царя Николая II и членов его семьи.

В царской семье, оказывается, были девочки — царевны и один мальчик. Героическая Красная армия убила вместе с царем и царицей его детей, так как их могла освободить Белая армия и опять сделать царями. И не было бы тогда плодов революции, Советского Союза и нашего счастливого детства.

Советский Союз — самая замечательная страна на свете, а мы самые счастливые дети, и вдруг, оказывается, ради этого нашего счастья убили четырех девочек и одного мальчика.

Я был против. Я не хотел принимать убийство детей во имя любых, даже самых гуманных целей с какими бы ни было оправданиями. Закрыв глаза, я видел картинки с детьми, в которых стреляет солдат с красной звездочкой

на фуражке, эти картинки на какое-то время стали навязчивым наваждением и еще долго потом всплывали в моей детской памяти. С того самого дня, когда обожаемая мною Елена Брониславовна поведала нам тайну расстрела царской семьи, я стал антисоветчиком.

Примерно в десять лет я заболел «книжной» болезнью. Это был особый вид зависимости от художественной литературы, с которой я ничего не мог поделать. «Болезнь» моего молодого растущего организма всё время требовала увеличения «дозы» как в количественном, так и в качественном исчислении прочитанного. Книги читались мною везде — дома во время еды, в школе на уроках (предварительно обернув очередной предмет возжелания в обложку от учебника), ну и, конечно же, ночью с фонариком под одеялом. На уроки времени уже не оставалось, и незаметно для себя из твёрдых «хорошистов» я перекочевал в стан «ещё подающих надежды» троечников.

Прочитав всю художественную литературу из домашней библиотеки, я взялся за чтение технических справочников отца, быстро поняв для себя, однако, «несъедобность» данного яства. Школьные и городские библиотекари хорошо знали меня, а заведующая солдатской библиотекой нашего военного городка была уже практически родственницей. Погружаясь в чтение, я жил между грёзами и явью: участвовал в морских сражениях, бежал из темниц, искал сокровища.

Однажды, перебирая домашние книги, я наткнулся на «Конармию» Бабеля. Ничем не примечательная тонкая, не более ста страниц книга в мягком переплете, из тех, что заставляли покупать в «довесок» к дефицитному чтиву. Эта была «Конармия» и «Одесские рассказы», включенные в один сборник. Особенный лёгкий слог автора, его игра словом увлекли меня. Текст можно было назвать «вкусным» — тонкий, изящный одесский юмор. Герои рассказов — тётя Хана, Бенья Крик, Любка Шнейвейс — купались в любви автора и заставляли читателя тоже полюбить его героев. Но более всего меня впечатлил сам сборник рассказов. Это была самая настоящая «махровая антисоветчина», написанная советским писателем и изданная в советской типографии. «Геройство» героев гражданской войны, строивших новое общество и беззаветно отдававших за него свои жизни, было описано во всей своей неприглядности. Сослуживцами автора, военного корреспондента, были безжалостные к чужому горю, темные, необразованные люди с садистскими наклонностями, ради развлечения убивающие безоружных людей и насилующие

женщин. От правдоподобности описываемых убийств мутило.

Сквозь кровавые строчки Бабеля я читал немой вопрос — зачем?

Пропустив через себя прозу Бабеля, я понял, что именно такие герои рассказов, как эскадронный Трунов, несостоявшийся «террорист» Сидоров, наделившие себя исключительным правом лишать жизни других людей, могли с огромным для себя удовольствием убивать не только женщин и детей из царской, но и из любой другой семьи. Ответ автора, прочитанный мною между строчек, был таким, что на людской крови и горе нельзя построить своё, отдельно взятое счастье.

Той же зимой с подозрением на аппендицит я попал в центральную районную больницу местечкового города Каменец, что в Западной Белоруссии, где мой отец проходил военную службу. А положили меня, в силу малолетнего возраста, в женскую палату. Моими соседками по палате кроме пяти бабуль, активно вспоминавших свою жизнь еще «пры Польшчи», были две «тети» примерно двадцати лет.

У этих «тетей», которые всего пару лет назад окончили школу, в которой я продолжал учиться, был коротковолновый радиоприемник «Спидола». Каждый вечер, перед сном, вся палата слушала вражеские радиостанции, вещавшие антисоветскую пропаганду: — Говорит радио «Немецкая волна из Кельна»...., говорит радио «Свобода»... говорит «Голос Америки».... — раздавались голоса из радиоприемника. Несмотря на постоянное глушение и помехи в эфире, производимые специальными советскими радиопередатчиками, ТАКОГО я не слышал никогда, это было интереснее самых захватывающих приключенческих фильмов и книг.

Оказывается, что в московском метро оборвался эскалатор и погибло много людей, в руководителя государства Андропова стреляла жена бывшего министра внутренних дел Шелокова, друга Брежнева. О советских ученых и писателях — диссидентах, покинувших Родину из-за своего неприятия государственного политического строя, и много, много ещё других государственных тайн и секретов, о которых другим способом никак нельзя было узнать.

Получается, что было как бы две правды. Одну правду нам вещали партия и правительство с экрана телевизора и газет, а другую правду нам не хотели рассказывать. Так какая же правда была правдивее? Этот вопрос оставался не разрешенным в моей детской голове, и всё-таки я понимал, что правдивее та правда, про которую не хотят говорить.

Окрыленный таким источником информации, окном в непознанный и загадочный мир, я с нетерпением вернулся домой.

Дома меня распирало от узанных секретов и тут же по приезду я выложил их своему лучшему другу Сашке. Следует отметить, что наши отцы, кроме военной службы в секретном подземном бункере связи, обеспечивающим проводную связь между самыми главными московскими генералами и советскими войсками в Восточной Европе, были еще и коммунистами, членами коммунистической партии Советского Союза.

И вот на очередном партийном собрании отец моего лучшего друга заявил во всеуслышание, что не может молчать как коммунист и хочет заявить о том, что сын коммуниста Олентьева занимается антисоветской пропагандой и агитацией и слушает вражеские радиостанции, в частности «Голос Америки».

В силу моего малолетнего возраста я не подлежал юридической ответственности и не стал диссидентом. Надо отдать должное моему отцу, но за свое наивное поведение я не был строго наказан, так как и у нас на кухне, как и у многих моих друзей, в том числе и на кухне моего лучшего друга Сашки, стоял коротковолновый радиоприемник.

В Советском Союзе не было радиостанций, вещающих в коротковолновом диапазоне. Радиоприемники, работающие на данных частотах, принимали исключительно вражеские радиостанции, а стояли те «гаджеты» примерно месячную зарплату советского инженера, но несмотря на свою дороговизну были практически в каждой советской семье.

Прошло уже ровно тридцать лет с описанных мною незначительных эпизодов моего счастливого детства. Сегодня в наш дом, к нашей общей беде пришла война. Война «гражданская», в которой граждане одной страны и одной веры убивают друг друга, где обе стороны искренне веруют в борьбу за правое дело. Есть среди них и люди старшего поколения, чьи молодость и лучшие годы прошли в Советском Союзе, где они были молоды и счастливы. Сегодня многие из них, взяв в руки оружие и гордо обвязав себя черно-оранжевыми лентами, поверили в то, что вернуться в Советский Союз на машине времени.

В спорах с такими пассивными своими аргументами я привожу уроки по истории Польши, где начало Второй мировой войны преподается как нападение на их Родину двух агрессоров — гитлеровской Германии и Советского Союза, союзников, развязавших Вторую мировую войну. И для граждан той страны, что

защищали свою Родину, зло было тождественным — со свастикой оно было на фуражке или с красной звездой. Их убивали агрессоры, вторгшиеся в их дом. Выходит так. Оппоненты возразят мне, а как же Великая Отечественная война, подвиг народа, наша общая победа? Отвечу, да, всё было. И война, и подвиг, и Победа. Но это потом. А началось всё с Польши, которую растерзали «союзники», разрушив дома и убив сотни тысяч людей, обрекли миллионы на лишения и нужды. И уже после этой маленькой и победоносной войны малой кровью и на чужой территории по приказу руководителей советского государства было физически уничтожено более двадцати тысяч пленных — представителей дворянства, духовенства, интеллигенции, кадровых военных, составлявших цвет польского общества.

Строить отношения на лжи равносильно постройке дома на песке. Может, дом и получится большой, крепкий и красивый, только не простоит он долго. Ошибка строителей всё равно приведет к его обрушению. И рухнул тот «великий и могучий» Советский Союз не потому, что так захотели его враги, внутренние или внешние, а потому, что на вранье был построен. Базиса у той надстройки не было.

У нас с Вами есть свой дом, это наша страна, наша Украина, и не-важно, какой язык для каждого из нас является родным, украинец ты по национальности или русский, татарин или поляк, мы должны защищать свой дом, потому что человек без Родины, что птица без гнезда. Всю жизнь летать можно, а вернуться некуда.

P.S. А ту самую книгу Исаака Бабеля в мягком переплете я храню по сей день, и вот уже тридцать с лишним лет она является для меня чем-то вроде личного талисмана, проводником между моим детским прошлым и настоящим, той книгой, что помогла мне разобраться в интересующих меня жизненных вопросах.

17 ноября 2014 года.
Харьков

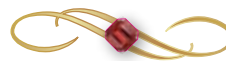
Часть вторая

Враг народа

Сегодня мне позвонил отец. Мы редко общаемся, так уж вышло. Он прочитал моего «Антисоветчика» и рассказал мне, что, оказывается, его отец, а мой дед, Леонид Романович, в пятнадцатилетнем возрасте сразу же после освобождения Харькова в 1943 году был осуж-

ден по 58-й статье уголовного кодекса за антисоветскую деятельность. Дед отсидел пять лет в лагерях в Магаданской области. Незадолго до войны, в конце тридцатых годов, вся наша большая родня перебралась из Орловщины в Харьков, спасаясь от голода. Начало войны дед встретил двенадцатилетним мальчишкой. Почти три года оккупации прошли в борьбе с голодом и страхом за жизнь близких. Семья проживала в полуподвале дома №22 по улице Дмитриевской в оккупированном Харькове. Дети вырыли за ковром в стене нору, в которой прятались от полицейских облав, старшую сестру деду угнали на работу в Германию. Преступление против советской власти выразилось в том, что он в юношеском пылу кинулся с кулаками на офицера Красной армии и в ходе возникшей потасовки оторвал тому погон. Какой ущерб мог причинить взрослому воину тощий, шатающийся от ветра голодный пятнадцатилетний мальчишка, переживший почти три года оккупации? Лёня не смог стерпеть оскорбления от пьяного офицера, который оскорблял маму, называя «фашисткой подстилкой», а его заставлял целовать сапоги за своё освобождение от немцев. Вот так в одних и тех же людях могли уживаться и геройство, и низость. Отец никогда не рассказывал дома об этой семейной драме, он сам узнал о ней от своего отца только в 1971 году после беседы в КГБ при оформлении допуска к работе с государственной тайной. Выходит, что я внук врага народа, до сих пор не реабилитированного. Ну что ж, значит, это теперь моя теперь задача — восстановить справедливость...

23 апреля 2015 года. Харьков

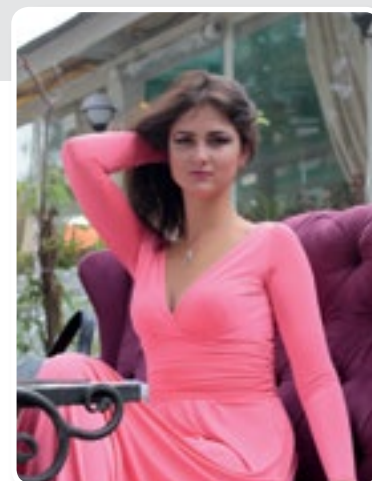
Студентка 6 курса I медицинского
факультета

Матьяна Петренко

«...Весь манеж, как на ладони –
Замер зал,
Впереди смертельный номер –
Закрой глаза ...»

Би-2

Пишу стихи с детства: впервые напечатали в Артёмовской газете «Вперёд» в 7 лет, потом «События», страничка в сборнике «Кристалл», конкурсы, «Банк одарённых детей» и т. д. Позже – харьковские газеты «Время», «Вечерний Харьков», а также публикации в трёх предыдущих Альманахах «Начало века»... Люблю путешествовать, участвовать в научных конференциях, слушать Би-2, читать, петь и танцевать, а также мечтаю стать хорошим врачом. В людях ценю честность и доброту, а они меня любят за моё стремление к светлому.

Скажи спасибо интернету
За все остывшие обеды,
Забытый кран, и фен, уют,
И что ревнует милый друг,
Что так завидуют подруги,
Что узнают по всей округе,
Что так злорадствуют враги,
Когда от слёз видны круги,
Когда далёкий и чужой
С твоей знакомится душой,
Ты и сама так поступаешь,
Чужого в горе утешаешь,
Хотя помочь ничем не в силах,
Советы даришь. Это мило!
Здесь всё: конфеты и цветы
И любящий любимый ты!
За лайки, комменты, ответы
Скажи спасибо интернету!

Верни мне флэшку. Не прошу
Отдать назад мне моё сердце...
Живу, как все... Может, грешу,
Прости, так сложно на льду греться.
Отдай — и можешь не звонить,
Одной и той же sms-кой
Не поздравлять. И всё. Забыть.
Чтоб не было причины веской.
Я не прошу вернуть мне время,
Вернуть мне счастье и любовь,

И я не режу себе вены,
Не позвоню тебе я вновь.
Всё время занят для меня,
Всегда дела, всё время в спешке,
Я не прошу воды, огня,
Только прошу, отдай мне флэшку.

У меня всего четыре подруги:
Есть холодная, как лёд, стужа, вьюги.
Есть горячая и знойная даже,
Нас водою не разлить, прямо скажем,
Есть прекрасная подруга в печали,
То взгрустнёт, то захандрит, всё скучает.
Есть весёлая, щебечет, как птица,
Вся в цветах, вся зеленеет-искрится.
Хоть изменчивы они, как погода,
Я — любимое для них время года.

Идя вперёд, крестясь иконе,
Молюсь я Богу, Всем Святым,
Спаси нас, грешных, в этом доме,
За все грехи наши прости,
На верный путь нас поверни
И дай нам сил жить и идти,
Чтоб каждый счастье смог найти,
Спаси, Господь, и сохрани.

Спасибо за былые муки,
За смех и слёзы по ночам,
За доброту, златые руки,
За радость, нежность и печаль,
За поцелуи, жаркий холод,
За нежность, бывшую любовь,
Причин так много — один повод
Любить, что закипает кровь.
Может, как дать, так и забрать
С седьмого неба счастье птичка,
Спасибо, что ты дал понять,
Что не люблю, а лишь привычка.

Красное платье, красные губы,
Под каблуками летят чьи-то судьбы,
Искры глазами, рваные раны
Мир погибает, злой рок между нами.
Не отражаюсь, не помешаюсь,
Небо ревнует, когда я стараюсь.
Милое солнце сжигает творенья,
Страх не проснётся в минуты забвенья.
Не пожалею сладость везенья,
Просят пощады и просят спасенья.
Радость свободы выпью, как яд
И возжелаю побед и наград.
Красная крови фонтаном струя,
Не умирают такие, как я.
А на экране моего телефона
Ночь пропущенных, ноль входящих,
Сегодня я одна и дома
Храню очаг чувств настоящих.
Зачем тебе звонить мне снова,
Спросить, как жизнь и «как спала?»
Я для тебя и так всегда готова,
На подвиги, такие дела.

Т.Т.Шевченко

Маленький хлопчик з пензлем у руці,
Про що ти мріяв на далекі хмари?
Про поцілунки ніжні на щоці,
Що від сльози холодна, чи про лаври,

Далеку путь, великий новий світ,
Безмежний простір думки і відлуння...
Чи вже тоді складав ти «Заповіт»
І рифмував життя із ночі до полудня...

Проїшли роки, віки, а ти живеш,
Тарасе мій, народний і величний,
До кожного із «Кобзарем» ідеш,
Несеш свій подих добрий, щирый, вічний!

Как больно жить, теряя смысл,
Теряя веру в счастье,
Теряя воздух, солнце, мысль,
Мир рушится на части...
Как давит небо мне на сердце,
Больно дышать и больно спать,
Нельзя обнять, нельзя согреться,
Больно ходить, больно стоять.
И пустота, как бесконечность,
Мне дарит только, только боль,
Не сможет съесть вся эта вечность
Мою одну к тебе любовь.

Вітаємо, святкуємо, шануємо!
Народ! Сьогодні радість — День студента!
Із ранку один одному даруємо
Сюрпризи, побажання, компліменти!
Чудесне, жартівливе, сміхотливе,
Розсудливе, закохане, безумне,
Яскраве, урочисте і мрійливе,
Віки минають, а це свято — юне.

Співробітник (в минулому викладач)
Медичного коледжу ХНМУ

Народився 29 травня 1932 року у місті Харкові. Закінчив автотранспортний технікум, працював у ремонтному управлінні при заводі ХЕМЗ слюсарем-складальником великих електромашин. Згодом вступив до Харківського юридичного інституту на спеціальність «правоведення». Одружений. Має четверо дітей, четверо внуків, правнука. Псевдонім взяв від прізвища прадіда — Озолінь. Працює у Медичному коледжі ХНМУ 25 років.

«Вірші пишу для себе, для душі»

Володимир Самойлов

Я «памятник» себе не сотворю «нерукотворный»,
К могиле не протопчется народная «тропа».
Тогда зачем пишу стихи в тиши затворной,
Когда я сам, и не мешает мне толпа.
Когда я сам, со мной души богатство,
И опыт прожитых мною лет,
И хочется, чтобы детей и внуков братство
По строчкам проследили жизненный мой след.

Чтоб «наставленья» не пропали даром,
И чтоб ошибки не «гребли» бы под себя,
Ведь жизнь — такой коротенький подарок,
Пришел, ушел — и нет тебя!

Родных своих любите,
И не потом (по памяти) — сейчас.
Вы постоянно их боготворите,
Ведь недалек разлуки час...
Представьте: вот вы лишились их,
Ушли они. Ушли ведь навсегда.
В печали вы. Вы сильно огорчились.
Все! Их не будет никогда!
И мысли к вам приходят и приходят:
«А все ли доброе я сделал для родных?»
И совесть мучит, сны уходят —
Не обижайте вы родных своих.

Дом — где в любую минуту ночи и дня
Ждут и все любят тебя.
Дом — где пахнет мылым телом и борщом,
Дом — где мы страдаем, плачем и поем,
Где всей семьей: вдвоем, втроем и вчетвером,
—
Мы сделаем, построим и найдем...
Дом — где твой покой и твой уют,
Где никогда тебя не предадут.

Не бойся морщин, что покроют чело,
Но бойся плохого, что в душу вошло,
Злых слов и поступков, что жизнь изломают,
Грязью — грехов тебя обливая.
Не бойся волос, где сквозит серебро,
Не бойся бесов, «бьющих в ребро».
Блудниц продажных остерегайся —
Детей и семью сохранить постарайся.

Почему?

Когда идем, обходим лужи,
Огня боимся и смертельной стужи,
Но опыт старших не учитываем мы,
Не бережемся от сумы и от тюрьмы.
Здоровье мы свое не бережем,
И нервы тех, по жизни с кем идем.
Умом своим нам не понять:
Того, что есть, нельзя терять.

Что наша жизнь, скажи?
 Довольных и счастливых укажи!
 И для чего ты в этот мир пришел?
 И с чем уйдешь? Что потерял и что нашел?
 Что честным нажито трудом?
 В достатке жил, построил дом?
 Ты благодарных вырастил детей?
 Их выучил? От блудных спас сетей?
 Родители довольны ли тобой?
 На старости почет им и покой?
 Благословляют всю твою семью?
 Иль в богадельне доживают жизнь свою?
 С молитвы начинаешь ли свой день?
 И грех на душу пусть не бросит тень
 Ведь в Библии прописан жизни путь...
 Ты на ночь помолиться не забудь!

ДЕТИ ВОЙНЫ

О память! Год сорок второй.
 Эсэсовец дулом в грудь на меня —
 Юда! Найн, найн — мама закрыла собой,
 Лишь паспорт латышки защита, броня,
 И ангел -хранитель спасает меня...
 Что дети терпели, не скажешь в стихах.
 Парламент закон принимал впопыхах,
 В нищете заждались мы -дети войны,
 Стыд и позор! С родным государством судить-
 ся должны.
 Война, нищета и голодные годы,
 Колхозы и стройки, Р.У. и заводы,
 Здоровье подорвано — все дорожает,
 Парламент, правительство это не знает???
 Дети и внуки на съемных квартирах,
 Купить им свою сегодня не в силах,
 С родными прописаны все в тесноте,
 Старики по тарифам платят за всех,
 «На старость», «на смерть» мы собирали,
 Свои трудовые в Сбербанк отдавали,
 Как подло и нагло нас обокрали —
 И сроков возврата не указали...
 Наследство Союза кому все отдали?
 Конечно не тем, кто его создавали,
 Пустые бумажки вы нам раздавали,
 Мы бедными были — такими остались,
 На совесть на вашу мы полагались...
 Мы к храму идем — мелочь считаем,
 На тонкие свечи еле хватает,
 Пусть Бог нас рассудит — мы умираем,
 На совесть на вашу мы уповаем.

ДЕТЯМ И ВНУКАМ!

Если б молодость знала,
 А старость могла...
 У вас опыта мало —
 Запомните эти слова:
 Мир наполовину построен из зла —
 В каждом человеке черта пролегла
 Между злом и добром —
 И в этом вы должны уметь разобраться.
 Наивно, глупо думать,
 Что люди лучше станут.
 Их нужно понимать —
 Тогда вас не обманут...
 Характеры узнайте,
 Наклонности, слабинки,
 И через них ищите
 К умам, к сердцам тропинки...
 Других сильнее станьте
 Умом и силой воли.,
 В беде не унывайте,
 И не кляните долю...
 Большие неприятности — за малые считайте;
 На малые — внимание вообще не обращайтесь.
 Умейте расслабляться и думать про другое,
 И переключаться на совсем иное...
 Всегда ищите выход,
 Или умейте ждать,
 Окупится ваш труд
 «Наукой побеждать».
 Заповеди древних вы не забывайте.
 Пусть скромное, но Ваше — чужого не же-
 лайте.
 Всех сокровищ стоит ваша свобода
 Для каждого лично и для народа!
 Возьмите девиз, умный, простой:
 «Всё своё ношу с собой»
 Здоровье, уменье, знания тоже,
 Доброта и забота всего дороже.
 Не пейте, не курите,
 По-умному работайте,
 Своих родных любите,
 Окутайте заботами.
 Чтобы стать умнее,
 Обдумай каждый ход.
 «Утро вечера мудрее», —
 Говорит народ.
 Будь умным, сильным, смелым,
 Удачливым, умелым.
 Пора браться за дело,
 За ум и своё тело...
 Души доброта — здоровье тела,
 Знание жизни — знание дела.
 Дела плохие — душу ранят,
 За доброе дело — добрая память!

Андрей Силаев — лаборант кафедры физиологии

Мargarита Федоренко — художник, дизайнер

С детства я всегда старался сделать что-то, что превратит скучные будни в занимательную сказку творчества. Писал рассказы. Два из них — «Фатальное утро» (о сентябрьской трагедии в Манхэттене) и «Зов первого времени» (о работе археологов в Египте) переведены на английский язык и находятся в Оксфорде. После школы я закончил техникум медицинского оборудования и, отказавшись от мечты стать анатомом, вдруг заявил, что я — компьютерщик, и поступил в Харьковский политехнический университет на факультет компьютерных и информационных технологий. Сейчас заканчиваю обучение в компьютерной академии «Шаг» по специальности «компьютерная графика и дизайн», уже имею два сертификата международных фирм.

Мargarита Федоренко — талантливая молодая художница, которая также пишет прозу... Мы заинтересовали друг друга как соавторы и уже больше года сотрудничаем в литературном творчестве и в дизайне. Этот рассказ — проба пера в новом для нас юмористично-ироничном жанре.

Андрей Силаев Margarита Федоренко

ТРИ ДНЯ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА

Попытка творческого дневника

День 1

За окном светило ясное солнышко, и его лучи падали на мой стол. В комнату прокралось игривое весеннее настроение и аромат зацветающих абрикосов. Я набрал в стакан чистой воды, чтобы вымыть в нем кисточки, когда начал писать свой шедевр. Приготовил все их номера, которые понадобятся для работы. И лист акварельной бумаги расположился на столе, зывая своей девственной белизной сделать первый шаг — набросок карандашом.

Сегодня тот, именно тот день, когда я наконец-то напишу свой шедевр. Ну, или хотя бы начну... ладно не шедевр, а просто рисунок. Ладно, не рисунок, а... фигню. Но шедевральную фигню.

Тут вмещалась судьба в лице мамы: она попросила сходить в магазин «по мелочи». Эмм-м... её мелочи чуть не растянули мои руки ниже колен.

Когда я вернулся в комнату, подошёл к столу, то не нашел лист бумаги. Вместо белоснежного поля для творчества, чем являлась для меня пропажа, сидел хомяк сестры с сильно раздутыми щеками, что-то задорно жующий. Холодок нехороших подозрений пробежал по моему затылку. Я потянул за край чего-то белого, торчащего из пасти этого щекастого чудовища, и это нечто оказалось моим когда-то белым и ровным листом бумаги. Вспомнив всю линию по матери этого грызуна, хотел было отправить его полетать в окно. Но визг сестры и осознание того, что хомяки не летают, а мы на пятом этаже живем, остановили меня от этого шага. Меня обозвали живодером... два раза... и это только хомяк!..

Эх... делать нечего... достал из папки для акварельной бумаги ещё лист, положил на столешницу, присел на стул, взял в руки карандаш. Почесал за ухом, левую лопатку и мизинец правой ноги. Музы все нет. А ещё — душераздирающий крик кота под окном заставлял мои мысли запинаться и сбивал их в кучку, а уши — сворачиваться в трубочку.

Тут ещё мама попросила мусор вынести... Решение не заставило себя долго ждать. Мусорный пакет вражеской черной стрелой поразил нагло хвостатого и заставил низвергнуться ниц с трона, коим служила ветка абрикоса. Пока кот летел, он нахально обозвал меня ... три раза дерьмом...

К несчастью для меня, соседка тётя Валя проходила мимо, а это был её любимый Васенька... Сегодня я о себе узнал много нового и даже не подозревал, что тетя Валя настолько сильна в склонении моего имени. А тут ещё с перепугу мамин гибискус уронил с подоконника... Теперь на меня подали заявление в милицию за покушение на жизнь соседки. И обозвали дерьмом... четыре раза...

День 2

Здравствуй, дорогой дневник! Я по-прежнему не познал таинства вдохновения или оно не захотело познавать меня. И шедевральной фигни... тьфу, работы не выходит сотворить. Я бездарность... обыденная бездарность. Безнадёжная печаль тяготила мою душу, как поездка в переполненном автобусе в час пик. Сегодня мама послала за продуктами в супермаркет... До супермаркета не дошел. Какой славный магазин для художников открыли недалеко от него! Я купил ластик, набор простых карандашей и масляных красок. На хлеб денег не хватило, да и не продают его здесь.

Мама была в восторге. Она всё сокрушалась, что произвела на свет какого-то идиота. На мой вопрос, есть ли у меня братик, она только шлёпнула себя по лбу.

Теперь каждый день ем деликатесы — жареную картошку, приправленную гуашью, перец, фаршированный свежей пастелью, и, конечно же, прожаренные до хрустящей корочки карандаши (те самые... эх-х).

Теперь к душевным тяготам прибавились ещё и телесные. Нарисовал натюрморт — он показался мне слишком аппетитным, съел его. Не знаю, доживу ли до следующего дня...

День 3

Ура! Я все ещё жив! И даже сыт! Мама сжалась, приготовила наконец-то нормальную еду и даже разрешила её есть. Только эта всепрощающая женщина старается красиво блюда не раскладывать — знает, что я начну с них писать натюрморт.

Шедевра так и не удалось создать. Мама обозвала мою мастерскую свалкой. Я не согласился с этим утверждением. Мои слова волновали маму меньше всего — она всучила мне странный предмет, похожий на квадратную пла-

стиковую ложку, и некое сборище веток, туго перемотанных друг с другом (первый предмет оказался совком, а второй мама обозвала венником). Она схватила меня за ухо и потянула в мастерскую, коварно приговаривая: «А ну пошел наводить порядок!» Вот за что она меня так ненавидит? И вообще мне некогда заниматься таким непотребством, как уборка! Мне нужно создавать шедевр! Но этой коварной женщине было все равно. Да ещё и хомяк сестры ржёт надо мной... хмырь зубастый... Пришлось убирать. Тем более, мама сказала, что в противном случае выкинет все мои вещи, невзирая на их значимость для меня.

Ревизия мамы прошла успешно: уборка была проведена качественно — мусор нигде под столом не валялся, мусорная корзина и область возле неё чисты, пыль вытерта, блокноты, скетчбуки и листы бумаги сложены в ровную стопочку, а с пола вообще можно было есть! Мама меня похвалила и даже обещала ничего не выбрасывать из моих вещей.

Водопад её восхищений нагло прервал звонок в дверь. Мама бодрым шагом пошла её открывать. На пороге стоял недовольный и весь облаченный в бумагу, когда-то бывшую черновиками, сосед. На вопрос, что он хотел, сказал, что руки поотрывает тому, кто вывалил на его иномарку целый ворох макулатуры да ещё и облил радужной водой. А что? Теперь у него не скучный серый фиат, а с яркими разводами. Считай, аэрография на халяву! А он ещё возмущается! И почему?

Сегодня заодно под чутким руководством мамы отмыл машину соседа. Эх, не дают мне создать шедевр!

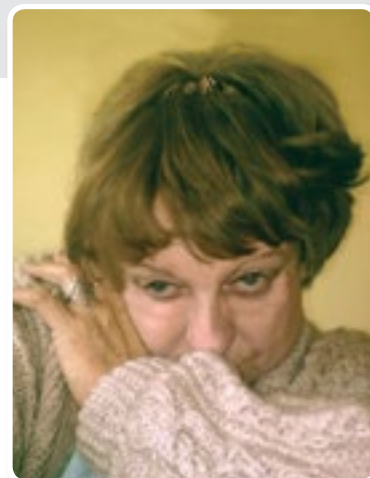
(Мне кажется, что продолжение следует)

Редактор редакционно-издательского
отдела

Мир не так прост, чтобы быть скучным. И даже в грустные моменты человек должен искать живое и настоящее, чтобы не зеленеть от тоски. Поэзия и музыка помогают. Пушкин, Есенин, Пастернак, Чайковский, Свиридов, Сарасате... Эти великие люди ещё и потому велики, что их творения управляют волшебными процессами, пробуждая высокие чувства и яркие стремления души. А когда у человека есть потребность и возможность самому писать стихи, музыку, картины, то в душе самостоятельно просыпаются лучшие душевные порывы, призванные анализировать не материальные проблемы, а заставлять сердце петь, плакать и смеяться, а значит, видеть горизонты жизни и стремиться к ним, веря в лучшее и двигаясь к нему через тоннели жизни к тому свету, что ожидает впереди.

Аидия Силаева

ТВОРЧЕСТВО

Нас ввысь влекут ступени бытия.
Подняться — равнозначно состояться.
История у каждого своя,
И взять взаймы не следует пытаться.
Мгновенна вдохновения слеза.
Талант — попутчик неприлично редкий.
И творчество — опасная стезя,
Куда ступаем часто без разведки...
Но если боль и радость — заодно,
И если мы над миром воспарили,
То творчество, как старое вино,
Пьянит до достижения эйфории...
Не каждый день рождается огонь —
Не место в буднях благодатной лени:
Ведь творчество — жестокий полигон,
Где мы стораем, сердца не жалея.

СТАНСЫ

Ничто не вечно. И бесчеловечно
Терзать себя, вина во всех грехах.
Ведь тем легко, кто прыгает беспечно,
Кого извечно носят на руках.
А мы весь груз житейский
перевозим
То бегая, то еле шевелясь.
Но почему-то нам не дарят розы —
Шипы стригут и плакать не велят.

Ничто не вечно. Даже покаянье ...
В иных мирах настанет благодать.
Тогда пусть наши близкие поплачут,
Задумавшись,
как много фраза значит:
«Лицом к лицу лица не увидать,
Большое видится на расстоянье».

Памяти Квитки Цисык

Звучит опять чудесная мелодия
И голос серебристый, как вода...
И помним мы певицу эту вроде бы,
А вроде и не знали никогда.

Она случайно на чужбине выросла,
Судьба её — другой тропой идти,
Но суть свою в душе навеки вынесла
И сохранила к родине пути.

Страны отцов чудесное богатство —
Такие песни — радость и печаль.
Их не любить — навеки святотатство,
Как не любить родных своих начал.

Но век её несправедливо краток,
А песни в небе до сих пор живут.
Одна из неразгаданных загадок —
Звезда погасла, но доселе тут...

Геракл вернулся после боя.
Но что поник он головою?
Могуч, красив он и велик.
Но... заплетается язык...
Ослаб. Прости его, Афина:
Всеми виной — плохие вина.
Уснул. А завтра — трудный бой
Не с Минотавром, а с собой...
Двенадцать подвигов — число!..
Но совершить их тяжело.
Дожив почти что до седин,
Решишься хотя бы на один.

И снова бесконечные дороги
В рассветном растворяются огне.
Друзей моих подняли по тревоге,
А я осталась в теплой тишине.
Они ушли, пропали за туманом —
Растить хлеба и строить города.
А что же я?
В спокойствии обманном
Живу, не собираясь никуда.
Но где же он —
бродяжий мой характер?
И я могла не ныть и не ворчать,
Когда на мокром
и разбитом тракте
Попутки ни одной не повстречать.
Нет, нет, я знаю —
это не причуды.
В моей судьбе гудят и жгут ветра,
По-прежнему мои подъемы круты,
Еще, быть может, круче, чем вчера.
И ждут меня по-прежнему дороги —
А это знак, что надо догонять...
Друзей моих подняли по тревоге.
Друзей моих...
А значит — и меня.

НИКО ПИРОСМАНИШВИЛИ

В твой дом опять приходят гости
Чтоб унести с собой Печаль.
В нём всё до нищенского просто,
И он по-царски величав.
Твой след у винного кувшина,
Твой вздох глухой у очага...
Природа запросто решила —
Остановилась вдруг рука.
И кисть упала. Жизнь убита.
Но ты являешься ко мне,
Застыв улыбкой Маргариты
На уютном полотне.

Прозрачно Мирзаани небо,
Но боль тосклива и резка —
О том, что не хватило хлеба
На два последние мазка.

СОНЕТ

Когда не посещает вдохновенье,
А разум жаждет славы от стиха,
Оставь свои бессильные стремленья,
Очередного не свершай греха.

Не ради славы, ради наслажденья
И первого открытия души,
Как первое святое песнопенье,
Свои стихи в страдании пиши.

И коль себя поймешь, себя откроешь,
Поверишь прочно в силу строк своих, —
Грехи кощунства прежнего ты смеешь,
И дорог станет выстраданный стих.

Поэтому поэту стоит, значит,
Перетерпеть любые неудачи.

МОЛОДОСТЬ БЕЗ КОНЦА

В. Коломенскому

Вот юбилей. А верится не очень,
Что много лет осталось позади,
Что были дни нелёгкие и ночи,
Но сердце помнить трудностей не хочет
И медленно стучит в большой груди.
Есть дом, есть дети и не счастье деревьев,
Посажённых и выросших уже.
Потрачено не даром, значит, время.
А Вы опять на важном рубеже.
Вам рукоплещут залы и палаты
И каждый луч, трава, и каждый лист,
И те, кто скальпелем спасён когда-то,
И те, кого спасли Вы как артист.
Как льётся песня — широко и сильно,
И каждый миг становится большим.
Вы человек поистине красивый —
Хозяин песни, голоса, души.
Конечно, Вы не все нам песни спели,
Но помним их сегодня, как вчера,
И Вам на новой жизненной ступени
Желаем счастья, мира и добра.
Живут пусть вечно сладостные звуки
И мастерство волшебного творца,
Чудесный голос, сказочные руки
И молодость, которой нет конца.

Кандидат биологических наук, доцент
кафедры микробиологии, вирусологии
и иммунологии

Работала в Харьковском национальном медицинском университете с 1954 по 1982 год. Принимала активное участие в воспитательной и общественной работе университета: была членом, а потом и секретарем партбюро факультета, заместителем заведующего общества «Знание», зам. редактора многотиражки университета и др.

Матьяна Степанюк

Я желаю расцвета тебе, Украина!

Украина моя! Мы с тобой породнились когда-то:
Здесь ведь край наших прадедов, дедов, отцов,
И живут в моём сердце украинские белые хаты,
Где «вишневий садок і під стріхою ластівки»
кормят птенцов.

Длинноногие аисты лугом зелёным шагают,
Колорит украинский они создают.
Я люблю этих птиц — их по осени

здесь провожают,

А весной из далёких краёв обязательно ждут,
Увидав прилетевших в родное гнездовье, бывает,
и плачут,

Не скрывая хороших, от радости, слёз,
И ребят малолетних весёлою шуткой дурачат,
Говорят: «Нам тебя добрый аист однажды
принёс».

Здесь бескрайнее поле золотится пшеницей,
Колосится высокой стеною стоящая рожь,
Реки, полные рыбы,

А в небе — весёлые птицы...

Украина моя! Как ты нынче живёшь?

Твой народ был богатым всегда на таланты,
Много славных имен ты науке, искусству дала,
Прославляли тебя инженеры, врачи,
музыканты,

Но зачем в «иностранцы» ты многих
из них отдала?

Разве тесно им было бы в Отчем краю
Умножать и собой, и потомками славу твою?
Украина моя! Твои недра богаты:

У народов других ничего тебе не занимать.
И я верю, что скоро, как и было когда-то,
Заводские гудки на работу людей будут звать.
Я желаю расцвета тебе, Украина.

И мне кажется — светлые дали ясны.
Ты такая, как есть, в моём сердце —

едина,

Украина моя!

Только б не было больше войны!

Кто рассудит?

Ах, эта жизнь! В ней все не так-то просто,
Как было в юности и в зрелые года:
Поехать к другу на свиданье в гости
Или сказать — «Ты приходи сюда!»
Приходит неизбежно жизни осень,
А сердце всё живет и ласки просит,
И люди, подключив воображенье,
Находят с кем-нибудь общенье.
Кому-то помогает интернет,
А у кого такого нет — простой конверт,
Или, доверясь телефонным проводам,
Внимают дружеским словам.
И кто и как расценит этот случай —
Красиво это? Или же печально?
И продолжать такие «встречи» или лучше
Уж больше не встречаться виртуально.

Но даже это — на дистанции — общенье
Приносит сердцу умиротворенье ...

Прибавился день

На четыре минуты прибавился день —
Так сегодня в прогнозе погоды сказали.

И проснулась надежда услышать капель,
Пережив все морозы, снега и печали
На четыре минуты! А завтра — еще на одну,
Чтобы солнышка больше прибавить.
Убегают минуты, поворачивая на весну
И никто их не может не мчаться заставить.
Минуту прожить — надо тоже успеть
Хорошую память оставить.
Бывает — в минуту иногда даже смерть
Может навеки прославить.
Но мы в большинстве не для славы живем:
Нам нравится жизнь и природа,
А считаем минуты — потому что ждем
Весны, обновленья прихода.
Может, кто-нибудь скажет, что я неправа,
Может, мелочью кажется это кому-то?
Почему же с улыбкой встречаем в прогнозе
погоды слова,
Что прибавился день — на четыре минуты!

Март

Какой же этот март проказник!
Вновь крыши снегом замело,
И веткой ветер безобразник
Стучит в холодное стекло.

А ведь вчера сияло солнце,
Казалось: вот теплу и быть,
И это самое оконце
Хотелось настежь отворить.

Коварство мартовской погоды
Уже давно известно нам.
Но нерушим закон природы —
Уступит место снег цветам.

Земле под солнцем станет жарко,
Травинки захотят ожить,
И скоро первые фиалки
Друг другу будем мы дарить.

А вместе с ними и надежды
На лета радостный расцвет:
Ведь мы — такие, как и прежде,
И нам еще износа нет!

Берегите друзей

Не богатством даров измеряется дружба,
И не верьте красивым словам.
Друг не станет вас спрашивать —
что вам нужно?
Все увидит и сделает сам.

И не в праздник, а в будни придет
вас проведать,
Не узнать, а увидеть, как дела хороши.
В незначительной, вроде бы, тихой беседе
Снимет камень с вашей души.

Ненавязчив и прост, он порой незаметен
Среди тех, кто кричит вам о дружбе своей.
Разглядите его! Добротой ответьте!
Берегите таких друзей.

Мы вернулись

Мы в Харьков вернулись. Война еще шла
Март сорок четвертого года.
В колее трамвайной трава росла.
И на улицах мало народа
Нет электричества, нет воды
Безжизненно зданье Госпрома...
Но это всё — половина беды
Потому что мы уже дома!
Мы верили, что скоро к нам придут
Любимые и дорогие,
Мы им на фронт писали, как их ждут.
Мы так хотели, чтобы были все живые
И каждый так старался жить
Важнее задачи нету!!! -
Чтобы и свой кирпичик вложить
В будущую Победу!

Не обижайте стариков!

Не обижайте стариков! Не надо!
Они свою большую жизнь прошли.
У них теперь одна лишь есть отрада,
Которую Вы им бы дать могли.
Обрадует их теплая улыбка
И несколько простых, но добрых слов.
Их жизнь уже так недолга, так зыбка
И вся — из боли и тревожных снов.
Они живут в своих воспоминаньях.
В их беспокойных стариковских снах
Им видится война, и время созиданья,
И маленькие дети на руках.
Когда-то сильными руками поднимали
Они детей и внуков и — страну!
Всё, что имели, щедро отдавали,
Растратив силы, заработав... седину!
Пусть в чем-нибудь они и виноваты,
Вы не ищите злых, колючих слов!
Они — вчерашние солдатики и солдаты!
Прошу, не обижайте стариков...

Вспомнил, как в лёгком, сумрачном свете
Был он искренне милой любим.

Прожил он триста лет и три года,
Видел он правдолюбцев, лжецов,
Как менялись цари и погода,
Как сыны предавали отцов.

Жизнь его пронеслась, как лавина,
И прожил он века, как три дня,
Сердце ворона — скользкая льдина,
Видно в этом вся тайна была.

Не способный на чувства, спокойно,
Монотонно он прожил века,
А теперь он прощается гордо,
Знает ждёт его где-то звезда.

Я — МЯЧИК

Я — мячик, который кидали,
Которым играли в футбол,
Который в окошко бросали
И мной забивали гол.

Я — мячик, который однажды
Разбил дорогое стекло,
Был из дома выгнан я дважды,
Мне не было в жизни легко.

Когда-то попал под колёса
Прекрасного чуда «Порше»,
Я слышал тогда: «Нету спаса,
Противный мяч, ну где ты взялся, где?!»

Забывали меня под забором,
Когда не забивали мною гол,
Смотрели на меня тогда с укором,
Хозяин на меня был часто зол.

Слезам меня обливали,
Меня целовали от счастья,
В обнимку со мной засыпали
И прятали в дом от ненастья.

Лежал я, пылился на полке,
Со мною играли мальчишки,
Боялся гвоздя и иголки,
Бывал я, представьте, и лишний.

Я — кожаный мяч потёртый
И знающий вкус победы,
Когда-то от гордости желтый,
Сей час тусклый — ах, горести, беды...

Но понапрасну вы меня не обижайте,
В знак уважения к былым успехам уважайте,
Хоть старый, потёртый я мячик,
Обидчикам дать смогу сдачи!

Я — мячик, которым играли,
Который давал людям радость.
Воспоминания живыми стали,
Живёт вкус победы: он — сладость!

ДОРОГ КАЖДЫЙ МИГ

Люди, нужно жить здесь и сейчас,
Ведь неизвестно, что будет через день и через час,
Не знаем мы, что нас с тобою завтра ждёт:
Может, удача, а может, птицы прерванный полёт!
Давайте научимся ценить добро,
Давайте, не задумываясь, делать его,
Тогда и жить нам будет легче и теплее
И друг другу мы станем роднее.

Спасибо, что ты есть, любимый,
Ты даришь мне каждый день неповторимый,
Я вижу твой взгляд безумно счастливый
И повторяю сердечно: «Любимый»...

ОСЕНЬ ЖЕЛТОГЛАЗАЯ

В чудном листопаде осень наступает,
Она о нас, проказница, видно что-то знает,
Обсыпает щедро яркою листвою,
Мы ж грустим о лете осеннею порою...

Вот стоит берёзка, дышит желтизной,
Покрывает землю золотой листвою.
Ярко клён пестреет, светится весь он,
А осина рядом погрузилась в сон.

Ах, багряных листьев осенний листопад!
Также точно было много лет назад...
Смело оголяются деревья в октябре,
Кто-то, правда, снимет платья в ноябре.

Осень желтоглазая в воздухе парит
И нам, земным людям, о чём-то говорит.
Дышит она холодом и моргает солнцем,
Листьев сухих, рыжих много под окномцем.

Жёлтая, багряная, красная такая,
Плачет мелким дождиком осень золотая
Стало как-то пасмурно, зима на пороге,
А я в лёгких туфельках промочила ноги...

В чудном листопаде осень наступает,
Она о нас, проказница, видно что-то знает,
Обсыпает щедро яркою листвою,
Мы ж грустим о лете осеннею порою...

Доктор медицинских наук, доцент
кафедры педиатрии №1 и неонатологии

Влюблена в города и людей,
Что меняются в каплях дождей.
В тишину, манящую в слог,
После новых пыльных дорог.
Влюблена в солнца блеск и снег,
И, конечно, в Серебряный Век.
В ирреальные блики штрихов,
Что плетут кружева стихов.
Влюблена в будних дней вензеля,
В цвет магнолии и миндаля.
И в короткое слово «держись».
Я безумно люблю эту жизнь.

Матьяна Чайченко

Incedoperignes

В плену фантазий и иллюзий
Несла привычный свой уклад.
В минуты жизненных окклюзий,
Как есть, роптала на расклад.
Мне столь казался несуразным
Атласом подбитой покров
И виделся надменно праздным
Домов и колоколен кров.
В стремлении постичь другого
Я шефствую среди огня.
За годом год, за словом слово
Не переделали меня:
Не приучили жить по схеме,
Преподнеся урок манер,
И суеты сует в системе,
И лицемерия пример.
Не растекается по древу
Мой мозг. Ему и невдомек,
Что надлежу я Геры чреву,
За предков отбывая «срок».
Я за потомков правлю тризну,
А в Новый год не жду чудес.
Моим изысканным цинизмом,
Надеюсь, будет изгнан Бес.

МОЛИТВА

О, Боже, не дай униженья
И чтоб не испытывать честь.
Пред тобой опущусь на колени,
Если Ты, как сказали мне, есть!
В извечном дыму вдохновенья
Был начертан гармонии крест.

В Откровенье ишу разуменья -
Где же твой направляющий перст?!
Промеж пальцев на рокот похожий
Пропускаю гордыни песок,
Ведь любимых и просто прохожих
Был Тобой уготован глоток.
В тихой мгле я свои прегрешенья
Без стеснения стану шептать.
Дай мне, Господи, только терпенья.
Ведь Ты же умеешь прощать!
Твоей волей на всё озаренным
Моим мыслям приходится жить.
Пусть не будет мой мир прокаженным,
Ты же не заставляешь служить.
В Твоих силах сдержат устремленье,
В унынье поникнуть челом,
От отчаянья впасть в искушенье
И сорваться в последний излом.
О, Боже, не дай униженья
И чтоб не испытывать честь.
Первый раз опущусь на колени ...
Ведь Ты, без сомнения, есть!

Черное — белое, белое — черное.
Жизнь пролетает простыми аккордами.
Буквы привычно сложи в предложения,
Вновь повторяют судеб наваждение.
Память и совесть грызут себя поедом,
Колеблясь, слагают тревог синусоиду.
В точке замкнувшись, стремящейся в даль,
Существованье взовьётся в спираль.
Где-то в глубинах, равняясь на идола,
Снобизм и гордыня стоят пирамидами.
В веках покрываясь надменности проседью,
Углы размывают синус и косинус.

Дряхлой старухой в зависти специях
Злоба таится безглавой трапедией.
Сверкает предательство призрачной сферой,
Измены расставив, шантаж и аферы.
Воют Сирены из зарослей терний
В пространстве порока, таком многомерном.
Зовут, предлагая все это и прочее.
Выбор велик. Твой ответ? — Многоточие.

А знаете ли Вы, как пахнет ложь? -
Как меж словесных междометий
Гниль вдруг врывается соцветий
И возбуждает в сердце дрожь?
И в шуме водопадных струй
Чудится рокот самозванный:
Заманчивый и сладко странный
Грядет Иудин поцелуй.
Вы испытали ль, как он грустен,
Как обреченностью размерен,
Коварным страхом суеверен
Нанизанных лукавства бусин?
И специй ароматом душистым
Брели, безропотно ведомы,
На призрак, столь давно искомый,
В тиски сжимающий радушно.
Вкусили ль Вы, как жгуча зависть? -
Как остриё с виском играет,
Немым бесславию карает,
Уничтожая мысли завязь?
Ведь не искали оправданий
В хитросплетениях злословий
Ввиду бессмыслия условий? -
Так не внимайте ж назиданьям,
Коль Вам дано преобладанье.

В случайном закате маски
Печатают странный след:
Эмоций фальшивых краски,
Звенящий стыдливо браслет.
Заботливо привечает
Шепот ненужных фраз,
Торжественно докучает
Сарказм привычных гримас.
И призраки стройным рядом
Касаются вдруг стекла -
Кидают смятения градом,
Остатки уносят тепла.
Наполнился удивленьем,
Блеснул хризопразом взгляд -
Непонятым повеленьем
Поставлен без шаха мат.
Разорвана дерзновенья
Нежданного кисея.

Сонма рассекая мгновенья,
Уносится вдаль ладья,
Оставив стоять в треуголке,
Лелея свой каземат,
Лишь маски оставив осколки ...
Ну да, и еще аромат.

Окружающий мир
Ощущаю я снова.
Верный спутник — сатир.
Знать, не стою другого.
В незнакомых стенах
Откровенье всё ближе.
Утопаю в огнях
Чужого престижа.
Но как Феникс стремлюсь
Возродиться из пепла.
Только воля моя
Всё ещё не окрепла.
Над пространством парю,
Отпустив лихолетье.
И с восторгом дарю
Все свои междометья.
Я спешу наверстать
Встречи и расставанья,
Понять, как умножать
На предчувствие знанье.
Я хочу рассмотреть
Воды Рейна и Ганга,
А ещё пережить
Аргентинское танго.

Краеугольное пространство
Своих неистовых Горгон
Несешь с завидным постоянством,
В себе давя Танталов стон.

Скрывая белые одежды
Под битвы пурпурным плащом,
Уже не сможешь так, как прежде,
Главу терять ты под дождем.

И в раж входя, на призрак цели
Расставишь прочные силки.
В том удовольствии ужели
Найдут сознания стрелки?

В лучах багряного заката
Своих несбывшихся надежд
Посмотришь вдаль и, веря свято,
Пурпур откинешь ты одежд.

**Доцент кафедры дерматологии,
венерологии и СПИДа, кандидат
медицинских наук**

Коренной харьковчанин. В 1971 г. окончил Харьковский медицинский институт, работал практическим врачом. После защиты кандидатской диссертации в 1974 г. — ассистент Ивано-Франковского мединститута. С 1978 по 1982 г. — преподаватель медфакультета университета г. Константина (Алжир). С 1982 г. по настоящее время — ассистент, затем доцент Харьковского государственного (национального) медицинского университета.

Основные увлечения — художественная литература, путешествия, фотография. С 2005 г. стал писать мемуарную прозу, в 2009 опубликовал книгу «Алжирская мозаика». В 2009 г. увлекся поэзией хайку, трижды призер и трижды дипломант «Международного конкурса хайку (г. Москва). Ряд стихов вошли в альманахи международных конкурсов хайку «Росинки» (2012 и 2014 гг.). Опубликовал книгу «Моя хайкумена» (2012 г.)

В настоящее время готовит новый сборник рассказов.

Виталий Чипиженко

ХОКЕТКА

Тот, кто хоть немного увлекался макросъемкой, знает, как непросто сделать фото обычной бабочки. Некоторые из них, самые «вредные», не подпускают к себе и на пушечный выстрел. Не подпускают и точка. Из принципа. К другим, напротив, подойти легко, но эти непоседы не могут задержаться на цветке и секунды. А еще есть «буки» — сложив крылья, они, как будто назло, садятся к вам спинкой, замирают, превращаясь в скучный серый листок.

Одно время мне казалось, что я уже достаточно хорошо изучил нрав этих капризных созданий. Казалось до тех пор, пока не стал свидетелем удивительного случая, который не могу забыть до сих пор. Более того, иногда кажется: «А не приснилось мне это на самом деле? Или того хуже — реминисценция (ложное воспоминание)»? А это уж и вовсе психиатрия.

Случай этот приключился прошлым летом в Черногории во время поездки в национальный парк Ловчен. Там на Езерской вершине находится мавзолей поэта и мыслителя, бывшего владыки Черногории Петра II Петровича Не-

гоша. С более чем полуторакилометровой высоты в ясный день видно, как на юге морская гладь сливается с небом, а вокруг открывается дивная панорама едва ли не всей страны. Езерская вершина большей частью голая, однако, не выглядит скучной — трещины и котлованы, серые пики и белые слоистые валуны разбавлены яркими островками зелени. Сюда не проникает июльский зной адриатических пляжей. Здесь совсем другой мир — ветрено, влажно, где-то внизу клубятся редкие белые облака. Часты грозы — не зря вершина здесь зовется царством молний.

Рядом с мавзолеем владыки пристроена небольшая смотровая площадка, как бы доминирующая над окружающим миром. Говорят, что в погожие дни отсюда видна Италия. Если дождаться, пока уйдут туристы, стать на край площадки, широко развести руки и подставить лицо ветру (вспомните «Титаник») — создается иллюзия свободного парения в воздухе над каменными пиками, зеленеющими в тумане долинами, игрушечными дорогами и деревеньками.

А если очень захотеть (грех, конечно), то можно и вовсе «выпасть из реальности», представив себя творцом всего этого великолепия. Такое уж здесь место.

Дорожка, ведущая к смотровой площадке, выложена каменными плитами, но ограждена чисто символически. С одной стороны склон довольно круто обрывается в пропасть (к кромке лучше не подходить — тянет вниз), а с другой — имеет довольно узкую пологую лужайку, поросшую травой и цветами. На ней уже издали я и замечаю нашу главную героиню. Не заметить ее трудно — с четкостью метронома она то раскрывает, то складывает крылья, как бы приглашая подойти поближе. Без колебаний перешагиваю ограду и оказываюсь рядом с кустом цветущего чертополоха. На одном из цветков вижу крупную светло-желтую в черную полоску бабочку. Да, еще забыл сказать о двух длинных роскошных хвостах. Конечно же, это парусник Подалирий. Таких я не раз видел и в Украине, там они занесены в Красную книгу. А столь романтическое имя берет начало в греческой мифологии. Подалирий — легендарный целитель, сын бога Авсклепия (Эскулапа) и Эпионы. Если верить легенде, именно он с отрядом ахейцев находился в брюхе небезызвестного Троянского коня.

Едва я приближаюсь к кусту, бабочка перестает «семафорить», поворачивается ко мне головкой, полностью раскрывается и замирает в томной позе. Дважды шелкает затвор моего аппарата, после чего наша кокетка поворачивается сначала спинкой, а затем бочком. Условия для съемки идеальные — похоже, героиня заранее знает, чего от нее хотят. «Вот всегда бы так», — вертится радостная мысль. Сделав несколько удачных фото, я разворачиваюсь и уже делаю пару шагов по направлению к дорожке, как происходит нечто неожиданное. Наша бабочка срывается с цветка и начинает отчаянно плясать прямо перед глазами. Затем летит к цветам, возвращается и вновь кружит передо мной, преграждая путь. Что это? Бабочки никогда себя так не ведут! Дальше — больше. Уже на дорожке наша прелестница дважды(!) слегка бьет меня по правому плечу, как будто заставляя развернуться назад. Мистика какая-то. Или все же случайность?

Сзади слышатся шаги и удивленные голоса двух девушек из нашего автобуса:

— Смотрите, смотрите! А ведь она не отпускает Вас! Зовет опять сниматься!

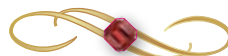
Заметив девушек с фотокамерой, наша красавица теряет ко мне интерес и мигом переключается на них. Продолав пару кругов над девичьими головками, она нарочито медлен-

но, зигзагами планирует на свой цветок. Сессия продолжается, но уже не со мной. Ревниво вздыхаю.

Изрядно набегавшись за день, поздним вечером сижу на балконе своего мини-отеля. Дневного пекла нет и в помине. Недавно прошел короткий дождик, с моря дует легкий прохладный бриз. Воздух наполнен пением цикад и аппетитным запахом свежее испеченного хлеба из булочной напротив. Слышны шаги запоздалых прохожих, рядом на тротуаре паркуются на ночь соседские машины — улица готовится ко сну. Выпита чашечка кофе с рюмкой доброго коньяка, по всему телу медленно сверху вниз растекается приятная истома.

Уличный фонарь напротив выхватывает из темноты рой насекомых, бьющихся о стекло плафона. Особенно усердствуют ночные бабочки, вовлеченные в некий порочный круг: пляска-разбег-удар, пляска-разбег-удар. И так с завидным постоянством до тех пор, пока не станут жертвой летучих мышей, а их здесь немало. Лениво думаю о непроходимой глупости этих ночных созданий. «Летит, как бабочка на огонь», — ведь это о них.

И вдруг вспоминается «коварная изменщица» с горной вершины. Вот та — совсем иная. Красивая, умная, одухотворенная, что ли. Стоп, стоп! Ведь одухотворенность — производное от слова дух, душа. «А что, если... — я даже разволновался, — что, если в ней таится людская душа? И не просто людская, а, скажем, манекенщицы или фотомодели. Иначе откуда, скажите, такой пыл, такая страсть к фотокамере? Переселение душ, реинкарнация — почему бы и нет? Хорошо, но что подобная бабочка делает на вершине? — размышляю я дальше, — А если представить, что наша загадочная фото-кино-дива здесь и погибла, ну, скажем, оступившись?» Можно пойти еще дальше, предположив, что и смерть была совсем не случайной — самоубийство или и вовсе убийство. Надо бы завтра справиться в турагентстве о несчастных случаях за последнее время. Так ведь там, пожалуй, и не скажут правды — побоятся пугать туристов. А может и не стоит никого расспрашивать? Пусть в этой истории останется тайна — так интересней, не так ли?

Лето

гладь пруда —
тихо облако рассекает
ветхая лодка

звездный дождь —
растерялся: нет у меня
стольких желаний

сахара —
мальчишка строит из песка
пирамидку

бабочка
сложила крылья, на часах
ровно полдень

загляделась
ночью в ковш с водой
большая медведица

качнулось марево
над скошенным лугом —
взмах крыльев бабочки

Осень

полощется белье
на осеннем ветру
журавлиный клин

осенний дождь
барабанит без усталости
каменный пионер

какими бесцветными
вдруг стали наши поп-звезды!
ночной ливень

ушла, хлопнув дверью.
всю ночь напролет
листопад

зимняя ночь
огонёк сигареты застыл,
разделился — поплыли рядом

черным по белому
разбрелась по зимнему полю
стая грачей

январский мороз
который день не отпускает
сердце

морозное утро
беру у старушки сухой
букетик душицы

Весна

лихо свистит старик
в летней фуражке —
в майском небе голубка

О главном

солёный ветер
первый поцелуй и море
по колено

холод от двери,
связка ключей на столе —
буду искать иные слова

Мамара Черная

Доктор медицинских наук, профессор,
заведующая кафедрой инфекционных
болезней ХМИ (1969 – 1992)

Лазаретный врач 1-й гвардейской бригады
минеров (Сталинградский, Ленинградский,
2-й и 3-й Прибалтийские фронты)

Сестра, сестреночка, сестричка!

Скажите, есть ли слово в мире столь нежное
и емкое,
тихо сказанное больным пересохшими губами:
«Сестра, сестричка!»
Ведь новорожденный не знает, что первое ды-
хание и победный крик его рождения сестрич-
ка-акушерка принимает и всю жизнь его, как
мать, сестра оберегает!

Но знает раненый и больной знает,
что в час суровый,
в час страданий тяжких и недугов,
его теплом души своей
и нежности сестричка согревает.

А если злой рок неумолимой смерти побеждает,
последний вздох,
последний взгляд, последний жизни миг
сестре он доверяет...

Сестра, взяв за руку больного, тихо в послед-
ний путь иного мироздания провожает...

Пусть редко, но бывает, когда из небытия боль-
ной вдруг очи открывает, и в них,
о Боги, миг ясного сознания, и силится он не-
что важное сказать...

Это миг прощания с земною жизнью: «Спаси-
бо, лечили вы меня...»
Взор потухает. Все кончено...

Сестра, сестричка, коротко всплакнув, навеки
очи закрывает..
Потом бежит к больным, что помощь ожида-
ют.
Но кто о смерти думать хочет, когда в потоке
бурной жизни
человек хлопочет о делах, проблемах, их свер-
шениях,
активно трудится, дерзает и побеждает!
На то он Человек!

...Когда в тиши ночной
спит Харьков трудовой и отдыхает вся при-
рода,
в больницах свет горит, идет борьба за челове-
ка!
И в этой тяжелой битве дежурный врач, медсе-
стры, няни...

Ночь... Никто не видит, как слаженно и четко
трудятся они!
Бесшумно, без приказов и окриков, чтобы
не нарушить сон больных,
по шороху ресниц врача все сестры свято вы-
полняют,
без права сна и отдыха!

Когда уж кажется prognosis pessima, их дей-
ствия чудо свершают!

И жизнь, хоть медленно, вступает в свое русло!
Уходит цианоз и pulsusfiliphormis, появляется
pulsusmolis,
а затем из аритмичного в ритмичный переходит!

И кровью наполняются сосуды, как реки пере-
сохшие водой!
Pupilla выходят из midriasis, и
больной вдруг видит спасителей своих, еще
не осознавая
края пропасти, над которой стоял!

Дыхание глубже и ровнее, и кожные покровы
розовеют,
холодный пот предвестник mortum убирает.
Больного согревают грелками и теплым пи-
тьем.
И он уже глотает, но, главное, душевной тепло-
той сердца сестрички согревают.
Дежурный врач уверен в жизни!
О, чудо — трио дежурной смены! Фактически
ночной медицинский десант!
Все отдают за спасение жизни человека и Клят-
ву Гиппократа свято выполняют!

Минер ошибается только раз

Война началась, когда я училась на 3-м курсе Киевского медицинского института. Конечно, разговоры о войне шли всё время, но мы были уверены, что она либо не начнется, либо очень скоро кончится, конечно же, нашей победой.

22 июня 1941 г. в 4.00 бомбили Киев, аэро-
дром в Жулянах. Я слышала взрывы, но подумала, что это учебные залпы зениток. С утра пошла в библиотеку, так как предстоял экзамен по хирургии. Обрадовалась тому, что студенческий зал библиотеки был полупустой, но обратила внимание на то, что читатели собирались по несколько человек, о чем-то негромко говорили. Никаких приветственных улыбок, как обычно. А в 12.00 все собрались в подвале у тарелки репродуктора. Речь В.М.Молотова объяснила все: началась война. Яркий солнечный день погас от сотен омраченных и встревоженных лиц людей.

С началом военных действий сразу же стало ясно, что малой кровью война не закончится. Красная Армия отступала, оставляя один населенный пункт за другим.

Из Киева студенты-медики пешком пришли в Харьков. Город готовился к обороне: на ул. Сумской население строило баррикады,

в парках ставили противотанковые заграждения.

Харьков бомбили днём и ночью. Мы учились и дежурили в госпиталях. Однажды на практике по хирургии в одном из госпиталей я встретила раненого брата. Радости не было предела, но радость была смешана с грустью и тревогой. Он передал мне свой дневник, в котором писал: «Никогда не думал, что наша армия встретит войну в обмотках и ботинках, при 1 ружье на 3-х солдат».

После взятия Полтавы медицинские институты были эвакуированы на восток, Киевский — в г. Челябинск.

Снова работа в госпиталях, а обучение — по сокращённой программе. И вот 1942 г. Институт окончен, вместе с подругами в товарном вагоне отправляемся в Москву для распределения в действующую армию. В резерве медсостава армии получила звание военврача III ранга, а потом капитана медслужбы и была направлена на Сталинградский фронт. В день, когда я получила направление, громкоговорители объявили, что временно оккупирован г.Нальчик.

Первое боевое крещение я получила в ноябре 1942 г. в отдельной роте водолазов (в должности начальника санитарной службы). В неравном бою наша часть была разбита, а тяжело раненного командира с большими трудностями доставили в медсанбат. Остатки роты отправлены на переформирование. Так началась моя военная служба, которая проходила, кроме Сталинградского, ещё на Ленинградском, II и III Прибалтийских фронтах в должностях лазаретного врача 1-ой гвардейской бригады минёров, командира медицинского отделения 24-ой инженерно-сапёрной бригады.

Когда я работала с минёрами, мне впервые пришлось столкнуться с Пироговским эректильным травматическим шоком у раненого.

После одного из ожесточенных боёв на импровизированных носилках принесли солдата с обескровленным лицом, укрытого шинелью. А рядом положили раненого, забинтованная голова которого была похожа на сплошной белый кокон. Подойдя к первому раненому, я спросила, как он себя чувствует. «Пока ничего», — ответил он, и я быстро занялась солдатом с забинтованной головой. У него оказалось осколочное ранение скуловой кости. Но когда я вернулась к первому, сняла покрывающую его шинель и разрешила бинты, то невольно отшатнулась. Левое бедро его было буквально расплющено. В развороченном человеческом теле господствовали 2-а цвета: ярко-белые фасции четырёхглавой мышцы бедра и ярко-красные сами мышцы. Кровотечения уже не было. А он

при таком состоянии еще ответил мне : «Пока ничего» !

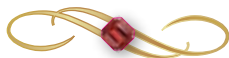
Как писал в своё время Н.И.Пирогов о симптоматике травматического шока: «Раненый не кричит, не вопит, не жалуется, не принимает ни в чём участия и ничего не требует; тело его холодно, лицо бледно, пульс нитевидный, аритмичный...» Всё это, к сожалению, было налицо, и я в наших полевых условиях ничего уже не могла для него сделать. До медсанбата мы его не довезли ...

Запомнился прорыв блокады Ленинграда. После 900-дневного противостояния голодающего города вооруженной до зубов фашистской армаде блокада была прорвана. Наша часть срочно была переброшена на Ленинградский фронт: Павловск, Пулковский меридиан, Рождественно, Луга, Дно, Порхов... Все разрушено, уцелевших зданий единицы да и те заминированы. У каждого населенного пункта концентрационный лагерь с тысячами расстрелянных. Жителей практически нет. Станция Луга была сильно укреплена: ждали кровопролитных боев. Однако партизанские отряды, несмотря

на большие потери, ударили с тыла, и немцы отступили.

Я осталась в Луге с ранеными. В школе был немецкий госпиталь. С опаской зашла в здание. На полу пристреленные тяжело раненные фашистские солдаты и брошенные медикаменты в красивых упаковках: марганцевокислый калий и атебрин — противомаларийный препарат. Сделала импровизированные санки из перевернутых табуреток и поехала с медикаментами в санчасть. Отошла метров 150 — и школа-госпиталь взлетела на воздух: сработал минный часовой механизм. За этот «подвиг» — домашний арест. Основание — часть могла остаться без врача в такое напряженное время.

Нам еще предстояли тяжелые бои, но армия была уже не та, что в начале войны. Она обладала первоклассной техникой. На важных стратегических участках нашему наступлению предшествовала артподготовка из знаменитых «Катюш». Для наступающих это была дивная космическая музыка, свидетельствующая о том, что мы неуклонно приближаемся к Победе...

Ассистент кафедры оториноларингологии,
кандидат медицинских наук

Основное время жизни людей тратится на рутинную работу, улаживание бытовых вопросов, но, тем не менее, в душе каждого человека есть тот уголок, который наполняется прекрасным, что, собственно, и держит его на плаву жизни. Этим прекрасным предстаёт поэзия.

Наталья Шушляпина

Мне снился сон —
Тот самый сон,
Который снится детям,
Когда в окно стучится он,
Чтоб рассказать о всем на свете.
Я слышу музыку берез,
И запах липы спелой,
Стук запыхавшихся колес,
И тихий голос клена.
И вот опять стучат часы,
Свеча горит тоскливо ...
Я не забуду никогда
О всем, о том, что было.

Я знаю, все пройдет.
Все, как рукой сметет,
И ветер колыбельную поет.
Ты слышишь, там вдали, трепещут журавли.
Там за окном шумит вода
И мы с тобой идем туда.
Туда, где ветер обнимает сосны,
любовью окружая их.
И ты идешь со мною рядом,
И сердце дрогнет,
И уста прошепчут:
«Вот это да, вот это красота!»

Как нужно жить?
Скажи, ты умный человек,
Чтоб верить и любить.
Да, я хочу, хотя бы век!

Ведь это не бессмертия просить,
Ведь это только верить и любить.
Сейчас со мной и боль и радость —
Все в маленьком, беспомощном лице
Но где же взять мне эту слабость
Сильнее быть и дальше жить.
Я слышу музыку небес
Где ты, мой ангел или бес?
Витаешь вместе с облаком надежд,
Надежда на то, что верить
и любить ты будешь век.

Как быстро чувства охладели ...
Мы даже не заметили,
Как чувства тлели,
А наши души все терпели.
Тот, кто сильнее всех любил,
Забыл о том, что говорил.
Я знаю, он просил,
Просил прощенья и молил,
Чтоб Бог, его, как грешника, простил.
Теперь, и позже, и всегда
Он будет знать и понимать
Как душу нужно охранять!
И чувства, как в спасенья
Нельзя ее бросать.

Что мне в осени печальной —
Грусть, тоска и одна всего строка.
Вот бы бури, страсти, вздора ...
Вот тогда б закружилась голова.
Вот ведь время было раньше —
Револьверы, паруса, скачки, драки, дуэлянты ...
Я уже схожу с ума!

Александра Яковлева

Бухгалтер I категории

Неизбежность... Так ли она тяжела, когда, накопившись, придавливает своим весом? Это тяжесть рока, под которым человек не может распрямиться и лишь вздыхает. Зачем же он взвалил на себя эту тяжесть? Зачем ему неизбежность, если она не дает двигаться вперед? И становится неизбывностью.

Постоянство неизбежности. Неизбежность программы? А закат? Он неизбежен или неизбывен? Опадание лепестков? Неизбежность мечты...

Не мечтаете? Тогда вы прагматик, который видит лишь стрелку часов,двигающуюся по кругу циферблата. А в это время солнце ныряет в океан, укрывшись облаком.

Я не фаталист, я верю в неизбывность заката.

Ангел странности

Ангел странности
Сложил крылья за спиной.
Слишком тяжелы, чтобы летать...

Хокку

Снежный день уснул.
Фонарь подсматривает
в темное окно.

Зеркальный мир

Не знаю почему, но часто люди соперничают между собой. Они несравнимы между собой, но желание сделать что-то такое, что затмит соседа, перевешивают свои собственные желания. И сделал бы, да тянет в другую сторону. Почему же сказать простое доброе слово язык не поворачивается, а сказать что-то язвительное и колючее так легко? СКОЛЬКО ТОЙ ЖИЗНИ? Миг один... А мы соревнуемся... За какое первое место мы ведем борьбу? За первое место внутри самого себя. Стать выше, сильнее, красивее, мужественнее. Зачем? В чем-то мы проявляем силу, а что-то доброе боимся сделать. Потому что скажут «брехня, это только поза». А если не поза? Если это внутреннее чувство, ощущение, которое не находит выхода? Только хочешь сказать «здравствуй», а тебе уже дулю показали. Слова застряли в горле, а злость... вот она, уже в полный рост. И не только в словах.

Перечеркнуть чье-то хорошее настроение так легко... а создать? Мы редко говорим добрые слова. А улыбка на лице не всегда получается. Надев на себя «одежду с чужого плеча», мы выходим из дома и думаем только о своих делах. Конечно, думать о себе и своих делах правильно, но не наступая на ноги другим, не лишая их хорошего настроения и не окрашивая мир в черное. Мир из всех оттенков черного — это тьма. И осветить его можно только своим добрым отношением к нему. Мир не злой. Он такой, как есть. И отражает только то, что человек несет в себе. Мир состоит из зеркал. Они везде. В каждом из нас. Я — зеркало, которое отражает мой мир. Ты — другое зеркало и отражаешь свой мир. И мы отражаемся. Во всем, что нас окружает. Если смотреть незапыленным взглядом, можно увидеть, что жизнь цветная, красивая, вечная, чудесная. Но только тогда, когда веришь в чудо.

Хокку

Души-свечи
Душа, как свечка.
Она легко прогонит
Тьму. Только зажги...

Осень

Осенний бал природы,
ультрамарин и пурпур,

блеск золота
и ветошь листьев под ногами.
Кто любит этот маскарад?
Не я.
Люблю апрельский дождь
и грохот грома вешнего,
прилет весенний птиц
и счастье обновленья.

Трикосновение к душе напрямую

Фраза из фильма — «Есть вещи нужные. А есть — необходимые. Стол — вещь нужная. Варган — необходимая.»

Вы слышали, как звучит варган? Я уже писала о том, как действует музыка на нас, на людей (<http://lexa1717.livejournal.com/3877.html>). А сейчас я хочу поразмышлять на другую тему. А только ли на людей воздействует музыка? Мне кажется, что музыка, ее звуки, воздействует не просто на человека как биологический объект, а на более глубоком уровне, на уровне клетки. Или на геномном уровне?

Как происходит это воздействие? Уверена, что это происходит на уровне вибрации. Представьте себе, что вы рассматриваете биологический объект (лист, кожу или любой биологический объект — клетку) в хемилюминисцентный микроскоп. Я не биолог и не химик, но хочу проверить свое предположение. Я читала об этом, когда мой сын писал свою дипломную работу. Его специализацией являются лазеры или, вернее, линейные ускорители. А работа с хемилюминисцентным микроскопом была, так сказать, побочной. Так вот, клетка любого биологического объекта, в том числе и человеческая, светится. Свечение объекта — это и есть эффект люминисценции. А почему это происходит? Вариантов масса — воздействие светом, катализатором. Но в любом случае она — клетка — вибрирует. И результатом этой вибрации является свечение.

А теперь вернемся к звукам. Для того, чтобы зазвучал варган — необходима вибрация. Это яркий пример звучания в результате вибрации. И это происходит не только с варганом. Звучание органа (созвучно с варганом — совпадение? Вряд ли...) — это звучание вибрации, усиленное системой труб. Звучание колоколов — это тоже вибрация. Все звуки в этом мире — это звучание вибрации. Значит, каждая клетка нашего тела, светящаяся в лучах хемилюминисцентного микроскопа, звучит. Если звучит каждая клетка, значит, есть звучание у каждого человеческого органа. Я не знаю, как может звучать печень,

щитовидная или молочная железа, как звучит мозг, или легкие, или глаза... Но если человек здоров, то его звучание наверняка выглядит как симфоническое. Человек-оркестр. В норме это звучание на мой взгляд должно быть близким к звучанию народной музыки. Ведь ее создают из того, что звучит внутри разных по характеру людей. Но внутреннее созвучие объединяет и рождает музыку, которая близка тысячам и миллионам людей. И эта музыка имеет в своей основе плавные переходы и воспринимается не только ухом, но и душой. (Про музыку, которая разрывает, включает в себя звуки, «бьющие по ушам», я сейчас ничего писать не буду, это вопрос отдельной заметки).

В музыке главное — гармония, состояние, когда она сливается в каждой клеткой вашего тела и перенастраивает весь организм. В это можно верить или нет. Но вопрос Нормы для Человека сейчас особенно важен. Прививая подрастающему поколению ненорму, человечество ставит себя в условия падения в бездну. И это падение уже идет. Особенно быстро в последние десятилетия.

В музыку необходимо вернуть мелодичность и гармонию. Гармония — основа жизни. Послушайте звучание народных инструментов, которые прикасаются к душе напрямую, которые возвращают ее к Норме и позволяют расширяться и засветиться. Душа должна светиться и радоваться. Иначе в ней никогда не поселится Дух.

Доказательств этого у меня нет. Но есть вера в то, что это так.

Неделю размышляла над этой темой, и у меня появилась новая мысль по поводу того, что «варган — вещь необходимая» (не зря начала писать заметку с этой фразы, все-таки она ключевая). Похоже на то, что варган является индивидуальным средством настройки тонких энергетических тел человека. Орган, колокола и другие инструменты являются все же не индивидуальными, они для большого числа людей, а варган, похоже, является классическим вариантом человеческого камертона. Вот теперь статья получила свой логический финал.

Звездопад

Межпланетное притяжение вызывает звездный дождь.

Финал лета — падают мертвые звезды.

Как могут люди верить в то, что они исполняют желания?!

Изобразительное
искусство, фото,
рукоделие

Роман Булгаков

Охранник хозяйственного отдела

Закончил Харьковский политехнический институт. Живописью увлекается с детства. С 2000 года является членом Харьковского областного творческого объединения свободных художников «Веселка».

Закат на море. Холст, масло

Лесной ручей. Холст, масло

Подсолнухи. Холст, масло

Весна. Холст, масло

ксана Градиль

Аспирант кафедры акушерства
и гинекологии №1

В 1986 г. закончила ХНМУ, затем — магистратура, аспирантура по специальности «Акушерство и гинекология». Увлекается живописью, фотографией, природой, спортом, кинематографом, литературой. Любимые писатели — А.Чехов, В.Набоков, А.Камю.

Шедевр ткача

В клетке

Радуга

Борьба за жизнь

Кульбаба

**Ведущий юристконсульт юридического
отдела**

Я начала рисовать еще в детстве: всевозможные школьные плакаты, стенгазеты, календари, и мне это жутко не нравилось... Прошло время, я закончила школу, поступила в университет и поняла, что очень хочу рисовать. С 2011 г. стала ходить на курсы. На данный момент написала уже более 30 картин, большинство из которых подарила родным и близким мне людям.

Елена Зиновьева

Влюбленная пара. Холст, масло

Встреча рассвет. Холст, масло

Любимая деревня. Холст, масло

Райский уголок. Холст, масло

Весенний букет. Холст, масло

Полет бабочки. Холст, масло

Матьяна Золотарева

Экономист планового отдела

Когда на улице дождик
И мир так хрупок и зыбок,
Я беру свою шляпу и зонтик
И шагаю в Город Улиток.

Улитки всегда мне рады,
Они всех милей и добрее.
Обнимают, сажают рядом –
И вот мне уже теплее.

Улитка-кокетка мне строит глазки,
Улитка-романтик стихи читает,
А я им взамен сочиняю сказки
Про все чудеса, о которых знаю.

Когда на улице ясно,
Я дёргаю тучи за нитку,
Ведь знаю – ждут моих сказок
Задумчивые улитки.

Гольчатая, покажи рожки

Синхронное ползание

И по тоненьким веточкам могу

Я знаю - это вкусно

Вячеслав Лапшин

Доцент кафедры детской хирургии
и детской анестезиологии, кандидат
медицинских наук

Увлекается фотографией. Особое внимание
уделяет пейзажам родной украинской природы.

Северский Донец зимой

Зима на Харьковщине

Лебединая Верность

Наталія Мартиненко

Доцент кафедри суспільних наук,
кандидат історичних наук

Народилась у Харкові. Навчалась у Харківському державному університеті (зараз він національний імені В.Н. Каразіна) на історичному факультеті. Закінчила з відзнакою. За розподілом почала працювати у Харківському медичному університеті.

Захоплення виготовленням традиційної української ляльки-мотанки виникло після керівництва практикою студентів з Академії Культури. Саме завзятість молодих студенток-практиканток, які запропонували провести майстер-клас в іноземній групі, сприяла пробудженню бажання творити.

Неймовірне відчуття душевного піднесення під час виготовлення ляльки долає усі негаразди і надихає...

Лялька «Парубок»

Лялька «Дівчинка»

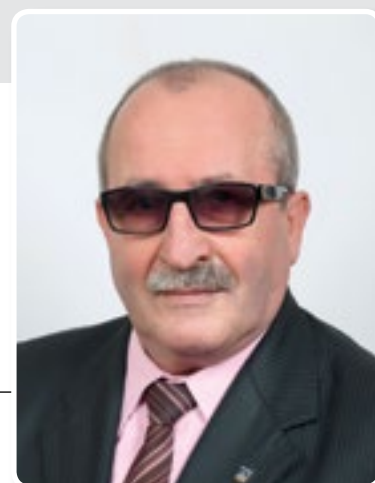

Доцент кафедры социальной медицины,
организации и экономики здравоохранения,
кандидат медицинских наук

В 1985 г. с отличием окончил Харьковский
медицинский институт.

Детские и отроческие годы провел на Луган-
щине. Окончил Лисичанское медицинское учи-
лище. Ровесник космодрома Байконур, на ко-
тором проходил службу. Участник нескольких
выставок по изобразительному искусству в но-
минации «Живопись» с гитарным вариантом
исполнения песен и застольных опусов со сти-
хотворениями.

Александр Мякина

Эдгар Дега.Прима-балерина.Холст, масло

Роза.Карандаш

Главный врач. Карандаш

Друг. Карандаш

Счастливое детство. Карандаш

Первоклассник. Карандаш

Студентка 2 курсу Медичного коледжу
ХНМУ (спеціальність «Лікувальна справа»)

Народилася 1998 року у місті Харкові.
2013 року закінчила 9 класів гімназії №46
м. Харкова. Малювати почала, як тільки навчи-
лася тримати олівець у руках.

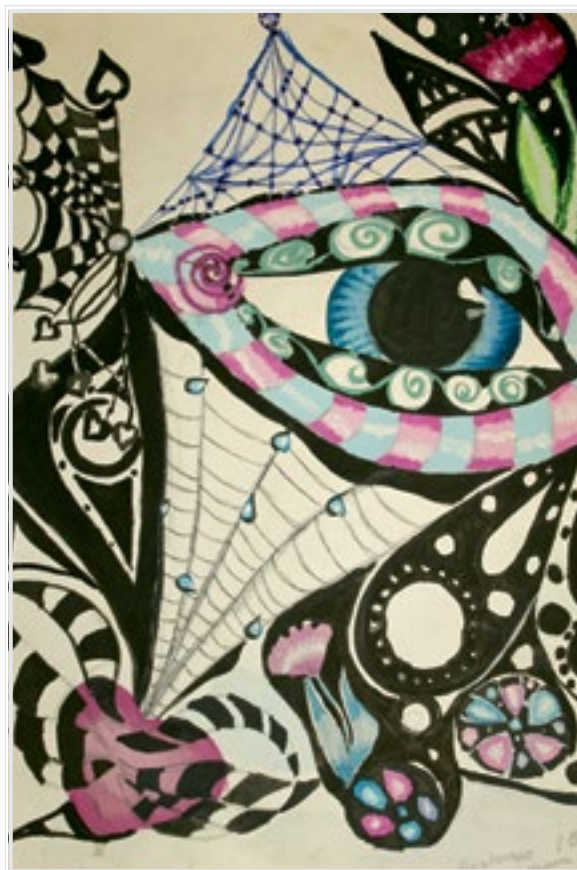
Анна Науменко

Девочка и тигр

Абстракция маска

Lost souls

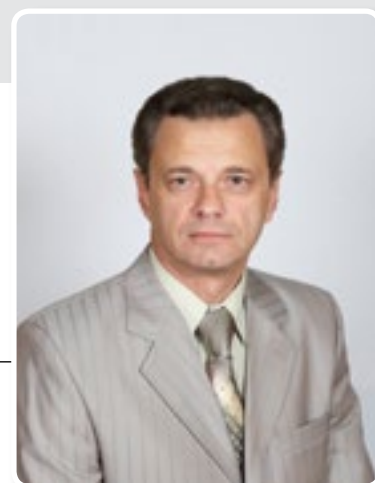
Кораблик

Декан стоматологического факультета, доцент кафедры стоматологии детского возраста, детской челюстно-лицевой хирургии и имплантологии, кандидат медицинских наук

Человек создан на Земле для того, чтобы творить, созидать, наслаждаться красотой природы и быть счастливым в этой единственной жизни. И только сам человек, по недомыслию, иногда в угоду сиюминутной выгоде, конфликтами, войнами, разрушениями, завистью и подлостью делает себя в этой жизни несчастным

*В*иктор Никонов

Франкфуртские небоскребы (Германия)

Два Века (Дрезден)

Закат

Природой сделана дорога в море

Доцент кафедры терапевтической
стоматологии, кандидат медицинских наук

«... Так высший мир, поднявшись на ребро,
Как мусор, смел людей планеты.
Лишь тот не падал, кто ваял добро
И соткан был из творчества и света...»

Пифагор

Участник и победитель множества художе-
ственных выставок г.Харьков и Харьковской
области

Холст. Масло. Кисть. Мاستихин.

Елена Палий

Автопортрет. Холст, масло

Рассвет. Холст, масло

Заснеженный сад. Холст, масло

Маки. Холст, масло

Закат. Холст, масло

Дарья Реутова

Студентка 1 курса Медицинского колледжа ХНМУ (специальность «Лечебное дело»)

Родилась в 1998 году в Украине, городе Харькове. В 2014 закончила школу и поступила в Медицинский колледж Харьковского национального медицинского университета.

Занимаюсь рисованием с 5 лет.

Для меня рисование — это умение, через которое я передаю свои мысли, мечты или чувства.

Ветер

Решительность

Маки

Рин

Полет

Геннадий Рузин

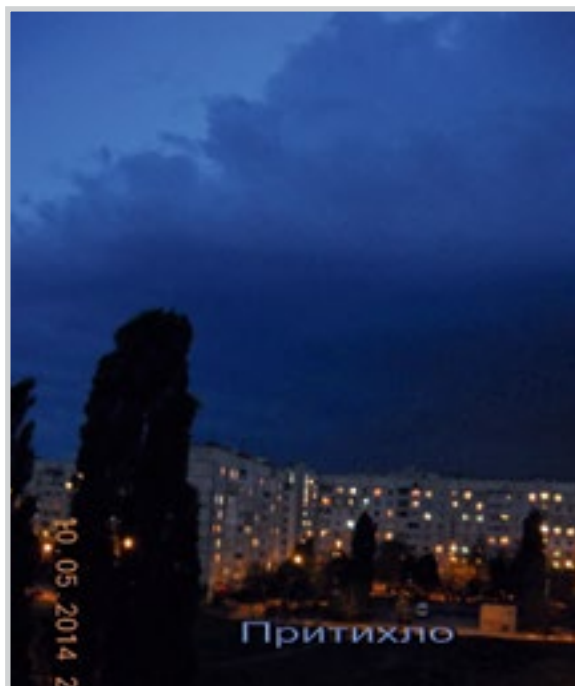
Доктор медицинских наук, профессор кафедры хирургической стоматологии, декан стоматологического факультета (1997–2002 г.г.)

Родился перед войной в семье военнослужащего. В 1963 году окончил в Ленинграде стоматологический факультет 1 ЛМИ им. ак. И.П. Павлова. С 1996 по 2014 г. возглавлял кафедру хирургической стоматологии и челюстно-лицевой хирургии ХНМУ. С 2014 года профессор этой кафедры, заслуженный профессор ХНМУ. Любит литературу, особенно произведения Юрия Германа, Ремарка, Константина Паустовского. С недавних пор вспомнил детское увлечение фотографией. По его мнению, и на Родине можно находить красоту, необязательно её искать на Майорке.

Пылающий дракон

Притихло

Свеча

Подражание Врубелю

Екатерина Феде-Вензель

Студенка 6 курса I медицинского факультета

В Жизни Бесценно каждое мгновенье,
Что нам даровано судьбой.
Нелепость ссор и тень сомненья —
Все это лишь борьба с собой.
Обидеть — это слишком просто,
И слез потом не замечать,
Не понимать, как все серьезно,
И вовсе не уметь прощать.
Важнее слов порой объятье,
Простая искренность души.
И все становится понятней
И объяснения не нужны.
Давай не будем жить впустую
И сами чувства убивать,
Поверим в истину простую:
Любить, ценить и уважать...

Горное озеро

Бджола
Уютный уголок

Студентка 5 курса II медицинского факультета

С раннего детства увлекается живописью. Закончила художественную школу №1 им. И.Е. Репина. Неоднократно участвовала в различных художественных выставках Украины, международной выставке во Франции, пробовала себя в художественном оформлении печатных изданий. Любимый жанр живописи — сюрреализм.

Успешно совмещает подготовку к будущей врачебной деятельности с художественным творчеством.

Анастасия Явдак

Графика. Натюрморт

Вдохновение. Холст, масло

Деревенские цветы

Содержание

Поэзия, проза	5
Алла Алекссенко	6
Валерия Гниденко	8
Юлия Гречанина.....	10
Наталья Гужва	18
Петро Джерелянський	19
Ирина Домнина	21
Андрей Заздравнов.....	22
Ирина Запорожец	28
Владимир Лесовой	31
Виктория Лихая	34
Наталья Некрасова.....	35
Роман Олентьев.....	37
Татьяна Петренко.....	41
Владимир Самойлов	43
Андрей Силаев, Маргарита Федоренко	45
Лидия Силаева.....	47
Татьяна Степанюк.....	49
Анна Сыровая	51
Татьяна Чайченко	53
Виталий Чипиженко	55
Тамара Черная.....	58
Наталья Шушляпина.....	61
Александра Яковлева.....	62
Изобразительное искусство, фото, рукоделие	65
Роман Булгаков	66
Оксана Градиль	68
Елена Зиновьева.....	71
Татьяна Золотарева	74
Вячеслав Лапшин	76
Наталія Мартиненко	78
Александр Мякина	79
Нина Науменко	81
Виктор Никонов.....	83
Елена Палий	85
Дарья Реутова.....	88
Геннадий Рузин	90
Екатерина Феде-Вензель	92
Анастасия Явдак.....	93

На сторінках альманаху представлено поезію, прозу, живопис, фотографії, твори прикладного мистецтва співробітників Харківського національного медичного університету.

Тематика творів різноманітна – любов до рідного краю, до близьких та рідних, природа, спогади, фантастика. Рекомендовано широкому колу читачів.

Літературно-художнє видання

Початок століття

Альманах

Творчі шукання співробітників,
викладачів і студентів
Харківського національного
медичного університету

*Відповідальний за випуск І.В. Лєтїк
Дизайн та комп'ютерне верстання В. Скїп, А. Побєдїна
Редактор С.О. Краснікова
Коректор Є.В. Рубцова*

Формат 64×90 1/8. Ум. друк. арк. 12,0.
Тираж 1000 пр. Зам. 3/15.

ХНМУ
м. Харків, 61022, пр. Ленїна, 4
Свідцтво суб'єкта видавничої справи ДК №3242 від 18.07.2008 р.

Мїсце видання: ФОП Мїлєшкін В'ячеслав Валерїйович
Відповідальний : Мїлєшкін В'ячеслав Валерїйович